

Александр СОЛОВЬЁВ
МЯТЕЖНИК
ХОМОФАРА

@ЭЛИТА

12+

Мегафар

Александр Соловьёв
Мятежник Хомофара

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Соловьёв А.

Мятежник Хомофара / А. Соловьёв — Электронное издательство
"Аэлита", 2013 — (Мегафар)

Представьте, что в ваше сознание стучится кто-то с другого конца Вселенной, чтобы передать весточку. Ваша первая мысль? Ясное дело – «Спятил!» И пошло сознание гулять по уровням с чердака до самого подвала: нырнуло в подсознание и глубины архетипа, одновременно устремляясь в густонаселённые космические дали. Тело только помеха, без него мы куда свободнее. Свободнее ли? Темница-то не вовне, она внутри каждого из нас. Чтобы быть свободным, нужно видеть дальше собственного носа, а это ох как трудно, когда ты являешься частью системы, её винтиком; а чтобы быть счастливым, говоря словами Станислава Лема, «человеку не нужны космические дали, человеку нужен человек». Герой романа Вадим Расин проходит сквозь слои пространства и тонкие миры и попадает в Мегафар, внутреннюю Вселенную, населённую сверхразумными и сверхсильными существами. И вот здесь начинаются настоящие приключения...

© Соловьёв А., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Соловьёв

Мятежник Хомофара

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

На краю вселенной погасла звезда. В одно мгновение – словно кто-то её взял и выключил.

– Назад! – крикнул драмин, и дозорные – сущности времени и пространства, охранявшие этот участок, – отступили. С безопасного расстояния они стали наблюдать, как светило покрывается ледяным панцирем. Сущности были потрясены: в последнюю эпоху никому не дозволялось самовольно охлаждать звёзды; на это требовалось согласие Иного Подобия и совета стихий, но ведь любой дурак знает, что Иное Подобие в таких вопросах непреклонен, все попытки поживиться из наружных светил оставлены много эпох назад.

Пытаясь предположить, что произойдёт дальше, пространственные косились на временных. Временные, в свою очередь, силились заглянуть в будущее. Но оно было неясным, как будто кто-то заслонил его.

Внезапно по всей поверхности звезды пробежала сеть трещин. Глыбы льда одна за другой начали проваливаться в глубину, звезда стремительно уменьшалась в размерах, она сжималась до тех пор, пока не превратилась в едва различимую точку.

– Проклятье, – выругался драмин.

Он собрался доложить о происшедшем, но тут его отвлекли тревожные возгласы дозорных: вслед за остывшей звездой гасли другие. На их месте образовывалась пустота, она стремительно смыкалась и засасывала отдаленные созвездия. Выстраиваясь в правильные ряды, скопления, туманности и отдельные тела двинулись в сторону внутренних слоев, медленно, но уверенно набирая скорость, сливаясь в единый поток.

– Они прорвут оболочку! – ахнул кто-то из пространственных.

– Ставьте щит! – заорал драмин.

Дозорные бросились выполнять приказ, и в это мгновение мир вздрогнул. Поток светил остановился, и звезды рассыпались в новом порядке.

– Эй, Балмар, похоже, у тебя проблемы! – сказал драмин. Расставив дозорных, он назначил одного из временных старшим и нырнул в глубину вселенной, на ходу сочиняя донесение.

Глава 1

Окно открылось со скрипом, и вместе с потоком свежего воздуха в ординаторскую влетела муха. Семеныч поставил на подоконник чашечку кофе, бряцнула ложечка.

– А вот объясните-ка мне, братья молодые коллеги, что такое, по-вашему, есть опыт.

Вадим Расин устало оторвал взгляд от истории болезни. Посмотрев на сутулую спину Семеныча, на торчащую во все стороны серебристую шевелюру аля-Олег-Попов, снова уткнулся в серые листы.

– Вот что, уважаемые братья молодые коллеги, – назидательным тоном продолжал Семеныч. – Положим, есть у нас некая способность опознавать среду. Именно опознавать, коллеги, подчеркиваю: не познавать, а о-познавать. И что же она собой представляет, эта загадочная способность? Задумывались ли вы когда-нибудь? – Старик шумно отпил из чашечки, почмокал языком и, выдержав многозначительную паузу, заключил: – Вот это, коллеги, и есть наш с вами драгоценный опыт.

Фраза зависла в тишине ординаторской. Понять, что имел в виду Семеныч, не представлялось возможным, да и смысла не имело, потому Расин вновь заскрипел ручкой. Послышалось мерное постукивание: это Серега-интерн, молодой рыжеволосый детина, перебирал в руке можжевеловые четки.

Семеныч снова отпил.

– Интуиция, возразите вы... – В его голосе прозвучал укор. – Ощущения, так сказать... Э-хе-хех! Пройдет этак лет десять-пятнадцать, и вам, братья молодые коллеги, покажется, что все вокруг переменилось. Станете вы по-другому думать. Даже не сомневайтесь. А вот почему так происходит? Да потому что опыт приобрели. Опыт.

Семеныч достал сигарету, закурил, хотел ещё что-то сказать, но вдруг закашлялся. Пока старик боролся с приступом, Расин сосредоточенно писал.

«Anamnesis vitae».

Кончик чернильной ручки на мгновение стал прозрачным, затем исчез вовсе.

Черт, подумал Расин и решил, что не мешало бы и себе кофе сварить, но тут же остановил себя: удовольствия потом, осталось всего-то две «истории». Ну-ка, зажмурь глаза, встряхни головой. Вот так. Будто бы все в порядке.

Наконец, кашель стих. Взяв чашечку в руку, пожилой хирург прошелся по ординаторской, остановился у другого окна, склонился над подоконником. Прошло минут пять-шесть.

– Вот так, век живи – век учись, – тяжело вздохнул Семеныч. – Положим, коллеги, сейчас вам и кажется, что вы кое-что в жизни соображаете. Будто, просто так, глядя вокруг, открываете в вещах смысл. Э-хе-хе-хе-хех, был и я когда-то таким. Но нет, друзья, на самом деле все намного сложнее. Не так-то просто до сути докопаться.

Расин перевернул страницу, медленно поднял голову.

Серега-интерн полулежал в кресле, терзая истертые четки. Поймав взгляд Расина, он криво усмехнулся.

Было около десяти утра. Шеф с Фирманом помылись на резекцию желудка. Обход больных уже закончился, однако впереди Расина ждала куча дел. Сперва с бумагами закончить. Вот только чем больше Семеныч в роль Сократа входит, тем с мыслями труднее собраться. Надо бы поспешить, вызов в психиатрию никто не отменял. Расин посмотрел на часы. Без пяти. Машина вот-вот прибует.

Сидеть в собственном кабинете нестерпимо: в последнее время, когда и без того изо дня в день по всякому пустяку колбасит, в кабинете находят непонятные приступы – внутри все холодеет, сжимается: не то клаустрофобия, не то депрессняк. Надо бы, конечно, разобраться во

всех этих наваждений, но все как-то времени нет к делу этому приступить, вот и приходится монологи Семеныча выслушивать, которого за глаза называют Портным (главная обязанность старика – грыжи латать; надо, однако, заметить, здесь в умении и скорости ему не откажешь).

Ладно. Сейчас «истории» допишем, на вызов съездим, затем ещё разок глянем на вчерашних прооперированных, а потом Семеныча на комп сориентируем, и, пока он пасьянс будет раскладывать, можно будет скоротать время за справочником синдромов.

«Status communis», – размашисто нацарапал Расин и поставил жирное двоеточие.

– Выходит, вы, батенька, сенсуалист, – вновь заскрипел голос Портного. – Известно вам такое словечко?

«...язык влажный, нормальной окраски...» На этот раз кончик пера замерцал, как огонек, сделался расплывчатым. Ну, вот опять... Черт... Месяца три назад ерунда эта началась. Особенно после дежурств упорно проявляется. Может, стоит повторить курс неуробекса? Эх, скорей бы уж отпуск. И спортом бы заняться, а то вон как разжирел...

– Да-да, уважаемый, вы самый что ни на есть сенсуалист, – продолжал Портной откуда-то издали. – То бишь, предпочитаете опираться на собственные ощущения.

(...дыхание везикулярное. Сердечные тоны ясные, ритмичные...)

– Эх, братья молодые коллеги...

Расин оторвался от работы, рассеяно посмотрел на мятый халат Портного. Он всегда мятый. А кто его погладит? Ведь у Портного ни жены, ни детей.

– Пройдут годы. Станет все не таким, как раньше... Попомните мои слова: каждые десять лет будете замечать большие перемены. Общество вокруг представится совершенно другим. Что тогда вы скажете об опыте и опознании?

Неясные образы наполняли пространство, мешали видеть реальность.

В самом деле, все неумолимо меняется, подумал Расин. Восприятие, что ли, изменилось? Да, оно стало другим, и не за десять лет. Вот, вроде, и сейчас нашло: словно почувствовал настроение старика; как-то неожиданно сильно пережил, точно в шкуру его влез.

Расин попытался стряхнуть ощущение: тьфу, да ерунда ведь все! Он снова склонился над историей.

– Вот вам мое соображение, – сказал Портной. – Истинными и самыми верными орудиями познания должны быть независимый разум коллектива, измерительные устройства и опыт!

Старик залпом допил остаток кофе.

«Стул, мочеиспускание в норме», – написал Расин. М-да... Вот только сам ты не в норме. Сколько же эта маета будет тянуться? По ходу непроизвольно глупости делаешь. Вот десять минут назад зачем-то сморозил насчет «определения целей в политике и науке, а в частности, медицине», да ещё загнул, что «всяким поиском движут интуиция и ощущения». Пустой треп ради того, чтобы разделить бесконечный монолог Семеныча на две части, как в пьесе, а заодно произвести впечатление на младшего коллегу?

Эх, в душ бы сейчас. Расин знал, что выглядел после дежурства не ахти. Русоватый ежик на затылке примят – от спанья неудобного. С тех пор, как полнеть начал, рожа по утрам отекала. Старение?

Из выключенного совдеповского «БК» на подоконник монотонно капал конденсат. Слышно было, как время от времени урчало в животе у Сереги.

Кто-то должен сейчас прийти. Кто-то наверняка должен прийти...

По коже отчего-то пробежали мурашки.

– Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах! – торжественно заявил Семеныч. – Вот ваш лозунг, господа сенсуалисты. Кстати, кому афоризм принадлежит?

Расин пожал плечами, проследил взглядом за тяжелой фиолетовой мухой, сделавшей дугу от окна до раковины, и вновь уткнулся в писанину.

– Противопоставьте-ка свое мировоззрение трезвому рационализму, – предложил Семеныч. – А я погляжу, что из этого выйдет, господа сенсуалисты.

– Вы правы, – проронил Расин, не поднимая головы. – Ничего хорошего не выйдет.

Краем глаза он заметил, что Портной обернулся.

– Вот так, значит? На попятную? Эх, Вадим...

Старик глубоко затынулся.

И тут у Расина ни с того, ни с сего потемнело в глазах. Затем он сообразил, что упирается лбом в поверхность стола. Он быстро выпрямился, потер лоб, виски... Сердце глухо билось где-то в голове, но в глазах кое-как начало развидняться.

– Сенсуалисты... индивидуалисты... – Голос Портного был едва различим. – Общество вам чуждо... пытаетесь отгородиться... эх... сами себя обкрадываете... ...прежде всего, коллективный разум, хранящий высшую...

Повеяло холодом. Расин поежился, напряг мышцы лба, стараясь осмыслить причину помутнения. Тыфу, чертовщина...

– Высшую идею... – жужжал Семеныч. – Вот основа человеческой истории.

Похоже, ни Семеныч, ни Серега не заметили его обморока. Впрочем, это был всего лишь кратковременный коллапс.

Расин откинулся на спинку стула, судорожно зевнул, забарабанил пальцами по столу. Легче не стало. Напротив, сделалось тревожно до горечи. Пришел неприятный озноб – тот самый, что всегда появлялся после ночных дежурств. Нужен нормальный отдых.

Расин сильнее сжал ручку и снова собирался наклониться над листами.

Тут в дверь постучали.

– Да-да! – пробасил Серега.

В ординаторскую заглянула женщина. Расин попытался навести резкость. Ему показалось, что нос у нее длинный и блестящий, а на голове – копна лилового парика.

– Простите. Могу я переговорить с доктором Расиным? – Она обвела взглядом присутствующих.

– Что вам? – отозвался Расин.

– Вы – Вадим Борисович? – робко спросила женщина. – Мне с вами... наедине бы. По личному.

– Я занят, – сказал Расин, стараясь, чтобы голос звучал мягко. Разве «по личному» нельзя обратиться к кому-нибудь другому? К тому же Портному хотя бы. Он что, пациентку посмотреть не в состоянии? Почему это все время доктор Расин?

– Если вы на консультацию, то извините, сегодня у меня не приемный день, к тому же с минуты на минуту на вызов уезжаю, – добавил он и вновь принялся за писанину.

– Господи... – простонала гостья. – Я ведь больницу вашу полдня искала...

Расин почти тотчас пожалел, что отказал женщине, но было тошно, тело сотрясала мелкая противная дрожь; хотелось, чтобы Семеныч предложил помощь, однако тот помалкивал.

Женщина втиснула в ординаторскую на удивление атлетическое тело, скривилась и беззвучно зарыдала. Семеныч отвернулся. Сергей принялся с интересом разглядывать четки.

– Умоляю вас, Вадим Борисович! – сказала вошедшая сквозь рыдания. – Мне посоветовали ни в коем случае не соглашаться ни на кого другого. Сказали, вы самый-самый лучший ампутор.

Расин отодвинул историю.

– Что?!

Лиловый парик перестал вздрагивать. Вошедшая испуганно взглянула на присутствующих. Те были погружены в себя.

– Простите, Вадим Борисович... – Незнакомка прижала руки к груди, с тоской посмотрела на Расина.

От слез черты лица её потекли, как старинная фреска.

Надо её вывести отсюда, – подумал Расин, – пока не наговорила чепухи.

Он выбрался из-за стола, нетвердо прошагал мимо заплаканной гостьи.

– Пойдемте. – Расин открыл дверь. Дойдя до конца коридора, он остановился и громко, чтобы слышала идущая следом дама, спросил:

– Валя, машину не подали еще?

– Только что звонили, Вадим Борисович. Уже едут. Сказали, чтобы вы спускались.

Расин обернулся к женщине, развел руками:

– Извините, уезжаю. Приходите завтра.

Выйдя на улицу, Вадим сел в «Волгу». Водитель повез его в психиатрический диспансер. Дрожь понемногу унялась, мир посветлел.

А не надо было ту женщину отшивать, подумал Вадим, – уж пять минут-то для нее как-нибудь нашел бы.

На посту в психиатрическом отделении его встретила немолодая медсестра.

– Здравствуйте, – удивленно сказала она. – А мы-то думали, приедет брат Петра Сергеича.

– Михаил Сергеевич на операции, – сказал Расин. – Отведите меня сразу в палату.

Ему не хотелось встречаться с Петром Хваном. Это был человек неприятный – тяжелый и раздражительный. Он вечно был одержим какими-то псевдонаучными идеями, вроде изучения астрального тела. Иногда казалось, что Хвану совершенно наплевать на лечение больных, и будто он имеет к психиатрической патологии особый личный интерес. Недаром к нему приклеилось прозвище Инквизитор. Поговаривали, что Хван, использует какие-то изощренные методы психоанализа, бихевиаризма и медикаментозной терапии. Однако жалоб ни от пациентов, ни от их родственников на заведованием не поступало.

Вадиму это не нравилось. Он презирал метафизиков от медицины, особенно тех, кто вел себя так, будто учение превышает человеческого существа, которому она служит.

Поднявшись вслед за медсестрой на второй этаж, Расин прошел по коридору и оказался в небольшой палате.

На кушетке лицом к стенке лежала молодая женщина. Рыжие волосы были собраны в пучок, открытый участок бледной кожи на шее беззащитно выглядывал из-под одеяла.

Вадим подошел к раковине, вымыл руки, взял у сестры полотенце и, вытерев руки насухо, приблизился к койке.

– Прележни, – сказала медсестра, поднимая одеяло. – У нее аутизм. Её перевели из инвалидного дома, она там вроде бы разговаривать начала.

– Зачем её к вам перевели.

– Ну, на восстановление. Петр Сергеич такими занимается. А она взяла и уснула две недели тому. Был реаниматор, сказал: это не кома, это такой сон. Наверное, будут обратно переводить ее, а пока вот...

Расин откинул мизинцем майку – зеленую, с логотипом и немецкой надписью, из гуманитарной помощи – единственное одеяние больной и склонился над фиолетово-бурым пятном.

Бог ты мой, – возмутился про себя Вадим. – Как этот мерзавец такое допустил?

– Тут не подходящее место делать ревизию, – сказал он. – Корка, некроз... У меня нет с собой инструментов. Так. Её надо к нам, в перевязочную. Там поглядим. Впрочем, принесите хотя бы стерильный шпатель...

Медсестра ушла. Вадим сел на стул и стал ждать.

Плечо девушки мерно поднималось при дыхании. Почувствовав приступ странного любопытства, Вадим перегнулся над больной и заглянул ей в лицо.

Пациентка оказалась девушкой лет двадцати или моложе. Лицо было худощавым, слегка рыхлым от долгого лежания, но сквозь кожу просвечивала юность. Брови приподняты, словно она собирается ответить на чей-то вопрос, в уголках губ застыла упрямая складка.

Неожиданно девушка вздохнула. Губы разомкнулись, и она отчетливо произнесла:

– Дедушка Харт... я пока не буду к вам приходить.

Расин застыл. Голос девушки был довольно низким и немного не увязывался с тонкими чертами лица, но все же это был приятный голос.

– Меня здесь изловить пытались, – пробормотала девушка. – В Трифаре тоже, конечно, небезопасно... там улыбастики толпами... но все же в Трифаре я местная, каждый закоулок знаю. Да вы и сами, кажется, собираетесь отсюда...

Она долго молчала, и Расин подумал, что девушка больше не станет говорить, но вдруг она произнесла:

– Ощущаю я скорую пустоту на этом месте... Не иначе как из-за кантаратских, да? Видно, и вам они немало досаждают... А ещё хотела сказать, что кто-то к нам придет скоро. Да, с поверхности... Тот, кого я раньше не знала. Вот сейчас особенно сильно чувствую, хоть и представить не могу, каков он из себя. Ну, пожалуй, хомун, идущий... мужского пола... Вы не говорите...

Вадим осторожно присел на край стула. Сердце отчего-то колотилось.

– Она не похожа на аутистку? – шепотом сказал Расин, когда медсестра вернулась. – Разве аутисты говорят во сне?

Медсестра недоверчиво подняла бровь. Приблизилась к пациентке; передав доктору шпатель с анатомическим пинцетом, грубо встряхнула девушку за плечо. Та не издала ни звука.

– Аккуратней! – Расин сурово зыркнул на медсестру, но та, не обратив внимания, сказала:

– Спит, как сурок.

Вадим внимательно исследовал участок некроза.

– Пока обработайте по краям спиртом. Наложите стерильную повязку, – сдержанно сказал он.

Взяв историю, Вадим пошел на пост делать запись. В ординаторскую или к заведующему идти не хотелось, однако надо было сообщить о своем наблюдении заведующему. Тут же пришла мысль, что проще будет потом перезвонить по телефону.

Сделав запись в истории пациентки, он покинул отделение.

В коридоре хирургического отделения его встретила та самая заплаканная женщина в лиловом парике. Не давая ей открыть рот, Расин коротко сказал:

– Идемте.

Он зашагал в свой кабинет. Женщина засеменила рядом.

– Ради бога, Вадим Борисович, простите!.. – торопливо заговорила она. – Я на Сырце редко бываю... Еле отыскала больницу... Понимаю... Не должна была говорить при других, что вы ам... Что вы освобождаете от тяготы...

Вадим достал ключи.

– Кто вам меня рекомендовал?

– Но... Я же... – женщина понизила голос. – Я не могу называть имен...

Расин открыл замок и толкнул дверь.

– Как хотите, – буркнул он.

– Хорошо-хорошо, доктор, – испуганно сказала женщина. – Но... ничего, если только одно имя? – Она напряглась и мучительно выдавила: – Пи-ли-кин.

– Что?! Этот... это он назвал меня ампутатором?

Женщина вдруг заискивающе улыбнулась, она осторожно и чуть кокетливо тронула локоть Вадима.

– Он назвал вас самым лучшим ампутором, доктор.

Медицинская карта не содержала ничего, что могло бы представлять интерес для хирурга. ОРЗ, ОРВИ, хронический бронхит, астигматизм. Двенадцать лет назад произведена тонзилэктомия. В последние три года никаких обращений в поликлинику, никаких выписок.

– На что жалуетесь? – Он взглянул на титульный лист. – Госпожа Гаерская?

Женщина сидела на краю кушетки. Указав на живот, она сказала:

– Здесь. Но... Вадим Борисович. Вы ведь сами лучше меня знаете.

Расин взял шпатель, заглянул в рот Гаерской, обследовал язык и зев. Слизистые нормальной окраски. Проверил склеры. Ощупал лимфоузлы на шее.

– Без особенностей. Разденьтесь до пояса.

Женщина засуетилась, снимая блузку.

Вадим проверил границы легких, перешел к осмотру живота. Кожа была бледная, дряблая и липла к рукам.

– Без высыпаний, – сухо сказал Расин.

Рука привычно погрузилась в правое подреберье, в первый миг Гаерская от неожиданности сморщила лицо.

– Больно?

– Нет.

– А так?

– Не больно...

– Сядьте.

Он принялся поколачивать Гаерскую по пояснице. Осмотр, прощупывание и простукивание не дали результатов.

Вадим пожал плечами.

– Все, одевайтесь. – Он подошел к раковине, включил воду.

– Разумеется, я могу вас направить на общие анализы. – Он намылил руки. – Также существует немало дополнительных методов исследования: УЗИ, МРТ и так далее. Для того чтобы вас обследовать, нужны основания. У меня их нет.

– На животе тяготы... доктор!.. – Голос Гаерской вновь начал дрожать. – Тяготы! Все говорят, что теперь в Киеве только вы можете их удалять.

– Я очень внимательно осмотрел ваш живот и ничего не обнаружил.

– Прошу вас, осмотрите еще! – Гаерская вскочила с кушетки и, протягивая руки к Расину, стала приближаться. Блузка с бюстгалтером остались на кушетке.

– Что вы делаете? – Он глянул краем глаза. – Я попросил вас одеться.

– Доктор, вот сюда посмотрите!

Расин невольно скосил взгляд и обомлел.

Женщина стояла, опустив руки. Казалось, теперь до нее минимум шагов пятьдесят, хотя это противоречило здравому смыслу, ведь сам кабинет был не больше трех метров в длину. Из правого подреберья женщины исходила... грунтовая дорога. Она висела неподвижно, вытоптанная тысячами несуществующих ног, наезженная тысячами колес, – висела в воздухе так, словно пролегла по полю.

Из левого подреберья женщины росло небольшое деревце, вроде японского бонсаи – с сероватым изогнутым стволом и маленькой плотной кроной.

По пыльной колее полз большой черный жук.

– Что за?... – Вадим задохнулся. В висках тяжело застучало.

Так, ночное дежурство, недосып... Освежиться...

Расин наклонился над раковиной и добавив напор, несколько раз плеснул на лицо воды, провел мокрой рукой по ежику волос. Резко обернулся.

Дорога, сужаясь, уходила вверх. Гаерская, словно пригвожденная к небу, висела то ли под потолком, то ли над горизонтом – на самом заостренном кончике дороги. Теперь до женщины было не менее ста метров. А может и вся тысяча.

– Видите?! – закричала она. – Видите?..

Подул слабый ветерок, и у ног закружилась желтоватая пыль.

Жаркая, зовущая вдаль...

– ...дорога, – просипел Расин.

Он сделал осторожный шаг. И снова медленно убрал ногу.

На дороге остался след. Кожаный тапок немного запылится по краям.

– Нет, этого не может быть...

Вдруг рядом, в сухой траве на обочине, застрекотал кузнечик.

Вадим отступил, нащупал трясущимися руками раковину, огляделся. Все в помещении было на своих местах. Дорога не мешала видеть предметы. Между тем, она была.

Расин оглядел поверхность дороги, сосредоточил взгляд на пучке полусушенной травы, выбивающей между колеями, и остальное, все, что было в помещении, отступило. Но, стоило вернуться сознанием в кабинет, дорога – не исчезала, она как бы переставала занимать место. А женщина, как и прежде, стояла перед ним на расстоянии вытянутой руки.

– Иногда она слишком большая, доктор. Кажется, её уже видели несколько человек. Вообразите себе, на той неделе ходила по магазинам и свернула с Бессарабки на Тараса Шевченка. Так дорога раскаталась, наверное, аж до самого Ботанического Сада! Я заметила, как двое мальчишек тотчас стали на нее взбегать. Но ведь мальчишкам нельзя на строгий путь! У них же родители...

Расин на ватных ногах подошел к кушетке, сел.

Гаерская начала одеваться.

– Давно... это?... – спросил Вадим одними губами.

– Давно – что? – не поняла Гаерская. – Вы же сами видите, теперь дорога стала тяготой. Вы все-таки врач-ампутатор. Вам и так должно быть все ясно. Давно ли?... Не знаю даже, как сказать... мы же по иному времени...

– Мы – это кто? Значит... есть и другие?

В глазах Гаерской блеснуло беспокойство.

– Вадим Борисович, я понимаю, конечно, у вас очередь, только умоляю: запишите поближе. Завтра! Послезавтра! Любую сумму заплачу! Честное слово! У меня есть деньги! Не могу больше ждать! Чувствую уже... вот-вот помрачение будет. Помрачение!

Расин опустил голову.

– Простите, – медленно проговорил он, чувствуя, что впадает в ступор. – Ничем не могу помочь.

Ему все ещё мерещился ползущий по дороге жук.

– Вам к другому специалисту, – добавил он. – Впрочем... видимо, это мне надо к другому специалисту.

– Знаете, что?! – вдруг крикнула женщина. – Не надо со мной так! Я добросовестно делала свою работу. Я выполнила все условия. Сто человек. Ровно сто! Я их всех пропустила. Сто человек! Даже блокнот вела, галочки ставила. У меня в блокноте сто галочек. Теперь тяготы надо убрать! Уберите их!

Расин покачал головой.

– Нет. Я ничего не видел. Я ошибся.

– Доктор!

– Уходите, прошу вас. – Он поднял взгляд. – Вам нужно уходить, госпожа Гаерская. Я сегодня не совсем в порядке, понимаете?

– Это вы меня поймите, доктор! – крикнула она. – Я ведь за помощью к вам пришла. Вы обязаны мне помочь!

– Что я должен сделать? Ампутировать эту... галлюцинацию? Нет, я не шаман. Я хирург. – Он говорил все с большим трудом. – Я могу удалить аппендикс, могу желчный пузырь... А эту...

Расин заметил, что руки дрожат, и убрал их за спину.

– Стало быть, не хотите помочь, доктор?! – В черных глазах Гаерской мелькнула злоба и тут же сменилась отчаянием. – Я полдня блуждала по Сырцу. Прошу вас... – Она всхлипнула, в горле у нее заклокотало. – Пиликин же сказал! Пиликин... Пиликин – проводник. Проводник... как и я... срок службы его тоже за... закончился... и вы освободили его от тяготы... его же освободили... а меня почему не хотите?..

– Освободил? Не помню...

– Ну... да... про... оперировали его после того... как он пытался освободиться сам... Слыхала я, чем оканчивается самоизбавление.

– Не помню, – пробормотал Расин. – Не помню дороги у Пиликина.

– Ну, да, дороги не было. Зато у него был контрольно-пропускной пункт... как в воинской части. КПП.

– Нет. Пиликин – обычный человек. Он у меня находился на лечении с травмой живота. Гаерская достала платок и высморкалась.

– Мы все обычные люди, – зло сказала она. – Кроме вас, разумеется. Мы простые контрактники. И вы над нами издеваетесь. Тот, из ваших, который дал мне дорогу... он исчез... не вернулся. Теперь никто, кроме вас, не может возвратиться к нормальному состоянию.

Гаерская перестала всхлипывать и с надеждой произнесла:

– Вадим Борисович, вспомните. Эта травма случилась с Пиликиным, когда он тоже стал сходить с ума, он попытался разрушить этот свой КПП. Он бился животом о тренажер в спортзале.

– Да? А я-то думал, это дело рук его врагов. Вижу, вы с ним хорошие знакомые. Ну, и как он сейчас?

– Спасибо. Жив-здоров... Очень тепло отзывается о вас. Так что же, доктор? Вы возьмете меня на операцию?

Вадим встал, прошел мимо женщины, сел за стол. Он вздохнул и развел руками.

– Прошу прощения, госпожа Гаерская. Поизошла ошибка. К сожалению, я не тот, за кого вы меня принимаете. Я не ампутиатор и не возьмусь удалять ваши так называемые тяготы. Не имею ни малейшего представления, как это делать.

Он взял со стола забытую кем-то пачку сигарет, повертел её в руках.

– Теперь попрошу меня оставить.

Лицо женщины потемнело.

– Что ж... – сухо сказала она. – Вы пожалеете.

Гаерская плотно сжала губы и, не говоря ни слова, вышла.

Когда дверь за ней закрылась, Вадим вскочил со стула и быстро заходил по маленькому кабинету.

– Типичная. Зрительная. Галлюцинация.

Он вспомнил, как вчера ночью реаниматолог Галах дважды подливал ему в кофе коньяк.

– Паленый.

Походив, он упал в кресло и, закинув ноги на кушетку, замер.

Взгляд его некоторое время блуждал по стенам, затем остановился на собственных тапках.

На коричневой коже тонким слоем лежала золотистая пыль.

Глава 2

По роду занятий Иван Пиликин был кем-то вроде мафиози, как сам он выразился однажды. За последнее время он оказался самым тяжелым пациентом. Пиликин попал в дежурство Расина с двумя гигантскими гематомами и разорванной селезенкой.

Шеф, которого подняли в полтретьего ночи, поговорив с людьми Пиликина, не стал заносить данные в криминальный журнал.

– Бытовая, – сказал он, глядя на Расина странным взглядом. – Ты оперируешь, я асси-стирую. Мне все равно завтра в Харьков уезжать на трое суток. Я ему тебя порекомендовал.

Убрав селезенку, вскрыв гематомы, Вадим сделал полную ревизию брюшной полости. Там был сплошной синяк, словно беднягу колотили по животу битой. Расин произвел тщательный гемостаз, утыкал тощий живот Пиликина дренажами.

На следующий день после операции, когда Пиликин проснулся в реанимационной палате, он потребовал к себе спасителя.

Вне себя от радости, Иван наобещал Вадиму золотые горы.

– Рано благодарить, – выдержанно сказал Расин. – Теперь важно выполнять все назначения. Вы потеряли много крови, имеется множество кровоизлияний, повреждены ткани...

– Нет, братан! Ты, видно, и сам не разумеешь, как помог мне!.. – расплываясь в улыбке, простонал Пиликин. – Все основное уже сделано!.. Теперь я свободен!

Через час начала повышаться температура, а к вечеру приблизилась к отметке сорок.

Командировка шефа в Харьков послужила причиной того, что Расину пришлось ближай-шие три дня ночевать в отделении. Люди Пиликина не позволяли отлучиться ни на минуту.

Вадим непрерывно наводнял больного раствором антибиотиков, дважды в день промывал полости, но в последующую неделю состояние оставалось стабильно тяжелым. Лихорадка сопровождалась бредом.

В бреду Пиликин продолжал благодарить спасителя и прославлял свободу.

Только в следующий понедельник температурная кривая стала снижать амплитуду.

Когда Пиликина перевели в хирургию, в одну из палат Расина, между гангстером и доктором состоялся один очень короткий разговор, в ходе которого Пиликин сообщил Вадиму номер сотового телефона. По этому номеру можно позвонить однократно в самой трудной жизненной ситуации, после чего будет оказана гарантированная помощь, каких бы затрат дело ни стоило.

На всякий случай Вадим запомнил номер, хотя был абсолютно уверен, что необходимости звонить не будет никогда.

Подходя к автостоянке, Расин вспомнил слова Ивана, которые в тот раз показались ему полубредом.

– Прости, братан... – говорил Пиликин. – Но этот твой дар... он не должен в тебе таиться. Ты смог избавить меня, но есть и другие, кому понадобится твоя помощь.

Из подсознания всплыли слова: нет сомнения, Иван Пиликин – проводник.

...Вадиму показалось, что он вынырнул из темноты. Голова побаливала и кружилась.

Что сейчас с ним было? Черт, самая настоящая амнезия. Задремал у себя в кабинете, что ли?

Расин достал ключ, открыл дверь старенькой «тойоты».

Белый лист, лежавший на сидении, был легче бумаги. До того, как он растаял, просочив-шись сквозь пальцы, Расин успел прочитать:

Беги прямо сейчас!

Некоторое время пальцы ощущали тепло. Затем осталась саднящая пустота внутри. Сердце судорожно жгло. На лбу выступил пот.

Расин наклонился и заглянул в зеркало заднего вида. Вадим, что с тобой?!

Он машинально вытер руку о рубашку.

В это время ко входу в приемный покой подъехала «скорая». Вот сейчас откроется дверь, фельдшер поможет выбраться из машины старушке с растрепанной седой головой. Вероятно, у нее вывих левого плечевого сустава. Вероятно...

Откуда он знает?

На мгновение мир становится черно-белым...

Беги прямо сейчас?

Вадим потер лицо руками.

Так. Надо смотреть на вещи реально. Мог ли Галах подлить в кофе какой-нибудь из своих препаратов? Теоретически мог. Но, во-первых, зачем ему это? Во-вторых, ни один из применяемых в реанимации медикаментов не может обладать таким явно выраженным галлюциногенным действием. Стоп... Пару недель назад они беседовали о психоделиках. Галах проявлял интерес к этим препаратам и говорил о возможности изготовления мескалина в условиях домашней лаборатории. Возможно, ему и удалось синтезировать наркотик. И теперь он решил опробовать его действие на коллеге. Допустим, так. Почему же Галах ни разу за весь день не зашел в отделение посмотреть на результаты?

Да какие там результаты?! Если не считать женщины с дорогой, растущей из живота, и только что исчезнувшей в его руках записки, никаких измененных состояний сознания у него не наблюдалось. А может, Галах ни при чем, а всему виной сумасшедшая ведьма? Что же это тогда? Магия? Колдовство? Шаманство?

Он посмеялся нелепой мысли. Что бы ни было, нельзя позволять себе скатываться в болото суеверия.

Дверь «скорой» распахнулась. Полный мужчина в белом халате ступил на асфальт. Огляделся по сторонам, затем вновь втиснулся по пояс в открытую дверь. Медленно пятясь назад, он стал выводить из машины пожилую женщину, придерживая её подмышки. На лице старушки написано страдание.

Дыра в памяти по-прежнему зияет. Беги прямо сейчас?

Расин откинул спинку сидения назад, прикрыл глаза.

Калейдоскоп подвижных картинок завертелся перед внутренним взором: Галах, Портной, женщина с пыльной дорогой в животе, Пиликин с перекошенным от боли, но счастливым лицом.

Вадим поерзал на месте. Не открывая глаз, поискал рукой на коленях: что, если исчезнувшая записка там?..

Ничего не найдя, он стал прислушиваться к стуку замедляющихся сердцебиений, затем склонил голову набок, принялся умищать. Пробовал ещё несколько раз напомнить себе о призрачном предостережении, но стала охватывать дремота.

Когда Расин пробудился от сна, темного, как подвал, солнце уже закатилось.

Он взглянул на часы. Двадцать один ноль восемь. Значит, провалился в пустоту на целых пять часов.

Одежда была полностью пропитана потом. Ноги затекли и ныли. Мучила жажда.

Вадим включил двигатель, медленно отъехал от стоянки.

Над входом в приемный покой вспыхнул фонарь.

Дорога, окружавшая здание больницы, выходила на Рижскую. Сразу за углом здания был поворот к двухэтажному торакальному корпусу, но когда Вадим свернул, никакого торакального корпуса он не увидел. Просто здание постепенно превращалось в длинную полукруглую стену. Слева над бордюром нависал ряд лохматых елей, удивительно похожих друг на друга.

Кровь застучала в висках. Он готов был поспорить, что миг назад предчувствовал эту ситуацию. Что за чертовщина здесь творится?!

Завершив поворот, Расин прибавил скорость, и «тойота» помчалась вперед. Ветви елей нависали так низко, что их можно было коснуться, высунув руку в открытое окно.

Дорога, которой никогда здесь не было... Высота бордюра с обеих сторон не меньше полуметра. Гладкий, слишком гладкий асфальт ощущали колеса – ни трещины, ни выбоинки. Полукруглая стена и ели неслись навстречу. Но спустя несколько секунд, за которые Вадим рассчитывал достичь конца стены, он обнаружил, что расстояние практически не сократилось.

Расин почувствовал, как по животу растекается холод. Он прибавил скорости. Справа ещё быстрее в стужающихся сумерках замелькали пустые проемы окон.

Вадим наклонился к окну, стал всматриваться. Нет, не похоже на торакальный корпус.

Окна проносились мимо. Неожиданно он уловил в одном из них силуэт. Спустя несколько проемов ещё один. Затем еще... И еще...

Женские фигуры. Совершенно идентичные. Одна и та же поза, одинаковое выражение лица.

Стена вращалась, как огромная карусель. Бледные лица женщин слились в единый мерцающий лик. Сомнения не было: повторялся один и тот же силуэт.

Тут ему стало ясно: силуэт не случайный. Женщина стояла там, чтобы *видеть его*. Она – наблюдатель.

Только кто и зачем поставил её там?

Открытие было чрезвычайно неприятным. Расин включил ближний свет, стал высматривать поворот. Ели были похожи и сменяли друг друга со странной методичностью. Расину казалось, что ониз реального мира провалился в компьютерные автогонки. Никаких поворотов. Только теперь он осознал, что дорога слишком узка, здесь ему не развернуться.

Ловушка?

Он сбавил скорость, глянул назад. Темно. Вновь посмотрел на окна – в тот самый миг, когда машина в очередной раз проезжала мимо стоящей у окна женщины. Вадим даже успел разглядеть её улыбку. Изо всех сил нога сама собой нажала на педаль тормоза.

Перед глазами пронеслась разноцветная вращающаяся сфера.

(за мгновение до этого он ощутил сильнейшую потребность в каком-то внутреннем потоке, который будто бы должен пробежать по его позвоночнику)

А потом было падение в глубокий тоннель, полет в пустоте...

«Тойота» остановилась как раз напротив входа в приемный покой. Тоскливо горел фонарь, освещая пустое пространство.

Расин судорожно сглотнул. Его всего трясло. Ну... Что теперь?

Может ли он вообще как-нибудь влиять на развитие дальнейших событий? Или в настоящую минуту он всего лишь бессильный созерцатель?

Что же делать? Бросать машину? Бежать?

– Куда? – прошептал он в отчаянии.

Металлическая дверь скрипнула и отворилась. На улицу вышла хрупкая молоденькая санитарка Наташа, закурила, стала вглядываться в вечерний полумрак. Вдруг девушка узнала авто, весело помахала рукой.

Вадим поставил ногу на педаль, взялся за рычаг. Мышцы напряглись.

Куда ты, Вадим? Что, если сейчас тебе было дано последнее предупреждение? Возможно, ты выбрал неверную дорогу. ещё не поздно вернуться. Поставь машину на стоянку, выберись с территории больницы. Позвони Пиликину. И жди, когда он приедет на помощь.

Помощь?..

Помощь в чем? Что он скажет Пиликину? Защити меня, Иван! Меня преследует больница-трансформер! А ещё я нашел в своей машине исчезающую записку? Но началось все после того, как ко мне пришла женщина с...

Чушь! Курам на смех!

«Тойота» тронулась с места и очень медленно двинулась к повороту.

Край стены... Угол...

В памяти пронеслись слова Гаерской: «Вы ещё пожалеете...»

Да пошла ты!..

Расин включил дальний свет, крутанул руль и надавил на газ. В следующий миг свет выхватил из темноты фасад серого здания и большую надпись на стене

ОТДЕЛЕНИЕ ТОРАКАЛЬНОЙ ХИРУРГИИ

Глава 3

От больницы до дома на улице Кибальчича он добрался меньше, чем за двадцать минут. Поставил машину в гараж, пересек площадку, пройдя мимо скамеек со смеющейся молодежью, приблизился к подъезду, набрал код...

Оказавшись внутри, Вадим перевел дыхание.

Он вышел из лифта, открыл дверь, ступил в прихожую и замер от неожиданности. Квартира была завалена всякой рухлядью. Закрыв дверь, Расин прошел мимо пустых картонных ящиков, которых прежде никогда здесь не было. Разулся, не нагибаясь. Бухнулся в старое потертое кресло.

Сказать, что квартира выглядела иначе, чем всегда, – не сказать ничего. Он не удивлялся: способность удивляться терялась довольно быстро. Было некоторое озлобление. Позже Вадим пытался припомнить, когда же наступил момент истины? Не в минуту ли сидения в этом бог весть откуда взявшемся кресле?

По всему пространству квартиры размазалась другая, совсем незнакомая реальность. Попади он и впрямь к себе домой, в ту идеально упорядоченную обстановку, которую всегда любил и оставил утром, уходя на работу, имело бы смысл как следует взвесить происходящее. Он бы мог проанализировать события и, возможно, что-либо предпринять. Во всяком случае, наметить план на ближайшее будущее.

Однако Вадим по-прежнему видел перед собой не то, что хотел. Он был словно во сне, и, чтобы не сойти с ума, надо было играть по законам сновидения.

Комната казалась чужой: более узкой, чем обычно, и непомерно вытянутой. И это не было её окончательным состоянием, ибо то, что вызвало изменение восприятия, все ещё действовало. Мир на глазах продолжал трансформироваться, менялись телесные ощущения, грудь распирало неведомое чувство, каждая клеточка посылала в мозг новые сигналы...

– Ты ампутатор, – неожиданно для себя произнес он. – Вот так! Прими за аксиому...

Квартира представляла собой большое скопище ненужного хлама. Привычные вещи отсутствовали. Исчез диван, комод, стереоустановка и многое другое. Остались книжные полки, шкаф, табурет. Но самое невероятное – он почти уже мог все объяснить. Как будто в разум ему понемногу подбрасывали иную логику, другие воспоминания.

Теперь вчерашний день и все недавнее прошлое всплывали в воображении не в одной, а в двух, трех и даже нескольких возможностях. Словно кто-то показывал слайды и спрашивал: это? может это?.. а как вам это?

Внезапно пришло в голову: от того, какую из версий он выберет, и будет зависеть его *теперь*.

Вроде бы утром он выходил из своей квартиры, и все в ней было как обычно, мебель стояла на своем месте, всюду чистота. Но, между тем, в памяти всплывают и иные картины. Он ножницами срезает обшивку дивана, выворачивает пружинный каркас, распиливает ножовкой корпус, вот тащит по лестнице мешок, набитый старой одеждой. Долой лишние предметы!

Вадим поднялся с кресла, подошел к полке, извлек толстый учебник «Психиатрия» в черном коленкоровом переплете и, вернувшись назад, сел. Открыл оглавление. Вчитываясь, стал водить пальцем.

Бредовые синдромы. Страница сто двадцать пять.

Расин полистал книгу.

Конфабуляции. Ложные воспоминания... Относятся к признакам парафренного синдрома. Данный синдром заключается в сочетании фантастического бреда величия с бредом преследования, воздействия и разнообразными явлениями психического автоматизма.

Безусловно, все так и есть...

И дальше... Бред наблюдается при шизофрении, органических, сосудистых и атрофических заболеваниях ЦНС, эпилепсии, психогенных, симптоматических и других психозах.

Вадим попытался заглянуть себе в черепную коробку. Черт, да это же просто ипохондрия, болезнь третьекурсников мединститута! Примерка известных науке симптомов на самого себя.

Захлопнул книгу, положил сверху руки и задумался.

Одна часть ума все ещё протестовала, в то время как другая выстраивала новый познавательный порядок.

Действительность пугала своей нестабильностью, но в хаосе определенно была спрятана непознанная цель. Если бы только можно было узнать врага в лицо, установить, ради чего (или кого?) все происходит.

«Допустим, действует реальный человек или группа людей... – думал Расин. – Проклятье! Кто позволил так бесцеремонно вторгнуться в частную жизнь?! Что это? Массовый эксперимент над людьми? Или безумный розыгрыш? Кто такие Гаерская, Пиликин, таскающие на своем теле дороги, КПП и прочие «тяготы»?.. И что за сотня человек, которых надо пропустить по контракту?.. Куда пропустить?!

Ладно. Предположим, некто проводит грандиозный научный (или псевдонаучный?!) эксперимент. И врач Расин в него втянут. Но кто я: материал или инструмент? Наблюдатель или подопытная мышь?

А что, если просто пациент? Который находится в психиатрическом диспансере. И все, что со мной происходит, является продуктом моего же больного воображения.

Стоп. Осознать себя. Свой страх.

Ну да, страх, понятно, есть... Однако вполне нормальный, здоровый страх. Защитный рефлекс.

Сохранилось ли критическое отношение к себе, к своему состоянию?

Несомненно. Я даже готов обсуждать. Стараюсь смотреть на себя со стороны. Мне небезразлично, что обо мне думают другие. Я буду себя контролировать и не позволю сумасшествию завладеть мной.

Критически относиться к себе – во много раз важнее того, что вчера я, вероятно, стоял очень долго возле черно-белой стены-граффити в незнакомом уголке города и ждал момента, когда в стене откроется проход...

Да нет! Нисколько не важнее!

Плывать на себя и свое сумасшествие.

Что будет значить в мировой истории мое психическое состояние, если я сделаю неверный шаг?!

Стоит ошибиться в выборе предлагаемых альтернатив прошлого, и навеки потеряешь себя в бесконечных метаморфозах».

И вдруг осенило: все, что ему нужно, – отбросить лишнее – то, что бесполезно для выполнения важной, хоть ещё и неосознанной цели.

Сосредоточься!..

Понемногу меняющиеся видения стали исчезать, уступая место более-менее последовательной линии...

Осмысленно или нет, в последнее время Расин вел неустанную борьбу с собственной упорядоченностью.

Теперь никогда не существовавший период каруселью проносился в его воображении.

«Что я успел сделать? – спрашивал себя Вадим. – Прежде всего, напрочь разрушил режим. Раньше лечь спать после десяти вечера в любые дни, кроме дежурств, было катастрофой. Четыре-пять дежурств в месяц отнимали столько сил, что все остальное время, прожитое по графику, шло на восстановление. Теперь можно ложиться когда угодно, постель никогда не бывает заправлена. К черту рационализм!

Наконец избавился от ненужных вещей. Все, что не нужно, – отсек бритвой Оккама! Нет ни вешалки, ни абажура, ни стола со стульями, ни ковра, ни оконных занавесок... Из прежнего остался телевизор. Впрочем, сейчас ящик – только средство для получения информации.

Однако я нанес в квартиру кучу хлама. Все, что в беспорядке разбросано повсюду, бесполезно и необходимо одновременно. В основном, картонные упаковки. Я понимаю, насколько они нужны (о, эти коробки меня в свое время спасут!), хотя сейчас невозможно подобрать подходящие слова для точного растолкования смысла...

Впрочем, не так уж важно – давать всему объяснения. Позже, когда придет момент, я поступлю правильно».

В коридоре слышались шорохи, тихие разговоры. Расин прислушался и не смог ничего разобрать. Он сидел, вглядываясь в стену, отделяющую комнату от кухни, чувствуя, как по лицу катятся крупные капли пота.

...Вот. Недопитая бутылка бренди.

Стенки липкие, к ним пристала пыль.

Черт возьми, откуда алкоголь? Однако! С кем он мог устраивать попойку? В памяти нет по этому поводу никаких сведений.

Расин поднял бутылку на уровень глаз, оценил объем содержимого и с чувством сожаления подумал: маловато.

Что?! При его безразличии к алкоголю...

Алкоголь... алкоголь... бег от реальности.

Вадим подозрительно осмотрелся. Когда успел войти в кухню? Мгновение назад сидел в кресле!

Открыл шкафчик, стал искать стакан, случайно опрокинул банку с солью.

Плохая примета.

Ох, не смей!..

...Так. Главное – окончательно не свихнуться до утра. Надо сохранять спокойствие...

...Петр Сергеевич Хван – вот к кому он поедет завтра! Так просто, немного проконсультироваться.

Хван – кандидат наук. Пишет статьи для иностранных журналов. Человек он тяжелый, но, возможно, в состоянии помочь.

Ободренный идеей, Вадим вернулся в комнату, прихватив с собой остатки бренди. Вновь уселся в кресло, взял со столика пульт, включил телевизор.

Черный ящик издал электрический треск и жизнерадостно пропел:

– Оставайтесь с нами!..

Отчего тянет выпить? Прежде никогда не наблюдал за собой этого свойства. Расин плеснул немного в стакан, поболтал, отхлебнул. Глоток приятно обжег горло.

Добавил еще. Опять хлебнул.

– ...ваша улыбка!..

Палец произвольно вдавил кнопку пульта.

(бег от реальности...)

На экране появился лысоватый человек в коричневой жилетке и клетчатой рубашке.

– Вакуум является родоначальником пространства и времени, – сказал он. – Вакуум из ничего создает энергию, которая искривляет пространство и время!

Искривляет... пространство... и время...

Брось! Если ты станешь перенапрягать мозги, то можешь окончательно двинуться.

Вадим принял полулежащее положение и принялся беспорядочно переключать каналы.

– Чудо – это то, что не сводится к элементам, – улыбнулся мужчина с проницательным взглядом.

Снова слышались разговоры за стеной. Они то приближались, то удалялись. Теперь казалось, что в кухне, где он был несколько минут назад, есть люди.

Пускай себе будут... Страх смешивался с равнодушием.

Он сделал хороший глоток и переключил канал...

– Вы находитесь на третьем уровне, – сказал приветливый женский голос. – Не забудьте закрыть за собой дверь.

Третий? Вадим хмыкнул. А когда же мы второй-то проскочили?

Поначалу он пытался сопротивляться дремотному чувству, которое нахлынуло на него. Потер скользкое от пота лицо.

– Надо закрыть дверь... – прошептал он.

Стакан выскользнул из рук.

Вадим обхватил голову руками.

Спустя какое-то время обнаружил себя на полу. Попробовал подняться и снова сесть в кресло, но не смог.

Наконец, самым разумным ему показалось уснуть.

Глава 4

Было десять часов утра. Эдуард Фирман сидел за письменным столом и, уткнувшись в газету, пил чай «Riston».

Эдуард был черноволос, молод и изящен. Он сохранял ровное настроение в любой ситуации – будь то тяжелый клинический случай или нечаянная оплошность при вскрытии фурункула, дача крупной взятки или маленький презентик.

Даже происшествие, случившееся вчера в отделении, не вывело его из равновесия. Выслушав мнения коллег, Эдуард включился в своей обычный ежедневный процесс. Выполнив его главные пункты, он перешел к второстепенным, среди которых было питье чая и чтение газеты.

Дверь открылась, и в ординаторскую ввалился шеф. Его круглое, розовощекое лицо выглядело озабоченным.

– Не пришел? – хрипло спросил он.

– Не пришел, – ответил Эдуард.

– И не звонил?

Фирман отрицательно покачал головой. Шеф нахмурил седые брови.

– Ладно, – вздохнул он. – Семенович там уже кромсает. Сережка вместе с ним... Я через полчаса на медсовет. Ты давай за старшего. Появится Вадик – что бы там ни случилось, пусть меня ждет. Если все, что он вчера вытворял, правда, будем принимать меры. Во всяком случае, я сейчас переговорю с братом. Вадика к нему для начала нужно. А? Как считаешь?

Эдуард пожал плечами.

– Пускай сходит, пообщается... Может, больничный возьмет.

– Ага!.. Вот-вот! У Петра есть результаты тестов. Помнишь, когда Петр кандидатскую делал, он нам всем экспертизу проводил?

– Помню, Сергеич. Соционика. В этих тестах у Расина что-то зашкалило. Если я не ошибаюсь, что-то в плане интуиции.

– Откуда знаешь? – Шеф насторожился.

– Ты сам мне рассказывал на день медика за пивом, когда мы в «Пильзнере» сидели.

– Да? Ну, и что ты сам на этот счет думаешь?

– Ничего. Лично я раньше за Расиным странностей не замечал.

– Раньше – да, – тут же согласился шеф. – Да ты, Эдька, не бери в голову. Речь тогда шла о психологических типах... Ну, это теория Юнга... Понимаешь, у каждого что-то свое сильнее развито... Ладно, все это дебри... Я к чему говорю? Если Вадик вдруг заупрямится или чего там еще, так ты мне подсоби. Хорошо? Лишнего шуму не хочется в отделении поднимать. Сам подумай: ведущий хирург, высшая категория – и вдруг помешательство. Тень на всех нас упадет.

Фирман внимательно посмотрел на шефа. Тот отвел взгляд в сторону и проговорил:

– Хрень какая...

Он постоял некоторое время молча, затем указал на настенный график дежурств.

– Вот... видишь? Исправлять теперь придется. Если не наладится все, то предложу тебе субботу и следующий вторник. И попробуй только мне отказаться.

Он кашлянул и вышел.

Фирман задумался.

Несколько минут он просидел неподвижно, негромко барабанил пальцами по поверхности стола. Вспомнил разыгравшийся вчера в отделении спектакль. Затем перевел взгляд на небольшую стопку листов назначений вновь поступивших и вспомнил, что не содрал с шефа поло-

женные подписи. Фирман любил своевременность и завершенность во всем и не терпел, когда даже такая мелочь, как отсутствие подписи заведующим оставляла работу недоделанной.

Он поднялся, взял листы и неторопливо вышел в коридор. Дойдя до двери в кабинет заведующего, Эдуард взялся за ручку, но дверь не открыл. Внутри громко спорили. Чей-то раздраженный голос убеждал шефа «оставить все как есть».

– Наша задача – активировать таких, как он! – кричал голос. – Мы её выполнили! Мы долго и кропотливо готовили почву. Я со своей стороны, вы со своей (хоть вы, ко всему, и пограничник) – оба мы оказывали на него воздействие. Все так же, как на строгом пути... И он постепенно изменялся. Но теперь это произошло. Слышите? Уже про-и-зо-шло. Работа выполнена. Вы, уважаемый Михаил Сергеевич, не можете ни контролировать, ни удерживать его. То, что последует далее – не в нашей с вами компетенции. Понимаете?

Фирман узнал голос: он принадлежал анестезиологу Галаху.

– Нет, – возразил заведующий, – Я полагаю, что подобная тактика касается обыкновенных адептов. Тех, кто действительно идет по строгому пути. И, будь Вадим обыкновенным адептом, я бы с вами согласился. Да, на строгом пути мы с вами ограничиваемся выполнением своей функции. Но в данном случае, любезный Григорий Максимович, мы имеем дело с самородком. Мы пошли на риск. Проявили инициативу. Никто нам его не направлял, никто не ждет его выше.

– И что? Он не такой, как мы. Вот вы, например, прежде чем ампутировать стать, сколько стажировались? Лет пять? Может, десять?... А он? Как случилось, что Расин избавил проводника от тяготы сам, ещё до вашего приезда в отделение?

– Я думал об этом, поверьте, – ответил шеф. – И скажу вот что. Для снятия тягот ко мне ни один проводник никогда не приходит сам. По окончании срока действия контракта Кантарат присылает мне пациента в скорой с диагнозом острый живот. В приемном покое я диагноз исключаю, и тем временем избавляю проводника от тяготы. Но... – он заговорил тише, и Эдуарду, чтобы расслышать слова, пришлось прислонить ухо к двери. – В штате Кантарата произошли кое-какие изменения... Сами знаете, штат небольшой. Тот парень, что вербовал проводников, недавно исчез...

– Да. В курсе.

– Я вот к чему веду, Григорий Максимович... Недаром бандит Пиликин тогда к нам попал. Это было, так сказать, причинно-следственное разрешение проблемы. Как не крути, а условия контракта в любом случае выполняются. Проводник себя травмировал, попал в больницу, а там его кто ждал? Как и положено – ампутатор. Не тот, зато другой.

– Другой, – согласился Галах.

– Сила контракта. Контракт – не бумажка, он вроде кармы. Не люди Кантарата его создали, не хомуны, а сущности иного порядка, чем мы. Он действует всегда и везде. Нам с вами – напоиминание, ведь мы с вами такие же контрактники, как и все остальные. А я к тому же ещё и пограничник, моя задача – не пускать.

– Понятно, дело тонкое... А что, если этот случай с Пиликиным и заставил Вадима пробудить в себе способности? – предположил Галах.

– Может быть, может быть... Но, насколько мне известно, он по-прежнему ничего не знает. Или не подает виду.

– Лично у меня, Михаил Сергеевич, нет оснований предполагать, что он невежа. Вадим уже месяц, как по Эфару слоняется. Позапрошлой ночью я беседовал с ним и вдруг почувствовал: он – глыба, а я в сравнении с ним – песчинка... Ну, что вы улыбаетесь? Не верите? Мы оба с вами свидетели: вчера он сам себя в Инфар перебросил! Ведь это факт! Я хочу напомнить, что все ждут прихода Мастера Справедливости. А как это произойдет? В какой сфере будет рожден Мастер? Во времени? В пространстве? Ну, а почему бы не в сознании? И почему не здесь, у нас, в Киеве? Вы меня простите, Михаил Сергеевич, но эта идея изолировать Расина у

вашего брата – не хороша. При помощи транквилизаторов Расина под контроль не возьмешь. Откровенно говоря, не знаю даже, кого мы с вами активировали. Он не адепт строгого пути. Вспомните: две недели назад, когда мы с вами ожидали увидеть первые признаки запуска, я дал ему лошадиную дозу мескалина, но он так и не экстериоризовался. Организм его вообще никак не отреагировал! Что бы мы с вами не предпринимали, наш вклад в это дело минимален. Зато вчера, как видите...

В коридоре послышались шаги. Постовая сестра шла в направлении ординаторской.

Фирман в первую секунду хотел было отпрянуть от двери, но раздумал и, постучав, вошел.

– Михаил Серге...

Заведующий сидел за письменным столом и переписывал график дежурств. Кроме него в кабинете никого не было.

Эдуард взглянул на открытое окно, подбежал к нему, в ужасе посмотрел вниз. Пятью этажами ниже на площадке стояло три автомобиля. Остальная территория пустовала. Никаких признаков выпрыгнувшего с пятого этажа Галаха, разумеется, не было.

Фирман оглянулся. Шкаф слишком узок, чтобы вместить в себе тучного Галаха.

– Где же он?.. – спросил Эдуард.

Заведующий оторвался от писанины.

– Кто, Эдька?

– Галах?.. Только что, входя... я слышал его. – Он заглянул под стол, с подозрением посмотрел на диван.

– Что? – Лицо заведующего выражало недоумение. – Откуда здесь Галах?

– Шеф, здесь был Галах, и ты... Мне, конечно, все равно, о чем ты с ним разговаривал... Только скажи, куда он запропастился?! – Фирман быстрыми шагами подошел к шкафу и распахнул его. Внутри на вешалке болтался мятый халат.

– Да что с тобой, Эдуард?! – чуть не застонал шеф. – Что вообще с вами творится, ребята?

Фирман прикрыл шкаф, огляделся.

– Клянусь тебе, Сергеич, здесь кто-то был... – Голос его стал дрожать. – Я только что сам слышал, как он говорит...

– Эпидемия... – пробормотал заведующий и развел руками.

В дверь постучали, и в кабинет вальяжно втиснулся Галах.

– Михаил Сергеевич, не заняты?

– Как?.. – выдохнул Эдуард.

Он нервно сглотнул, бросил бумаги на стол и, шатаясь, вышел.

... Через полчаса, когда Фирман, несмотря на запрет главного врача курить в помещениях больницы, стоял на лестничной площадке и лихорадочно курил, на ступенях появился Расин. Лицо его было изможденным, взгляд говорил о только что перенесенной утрате.

Заметив краем глаза приближающуюся тень, Эдуард отвернул лицо и, слегка наклонив голову, почти уткнулся лбом в стену. Он курил, делая неглубокие затяжки – одна за другой.

– Эд!.. – слабо позвал Расин.

Фирман вздрогнул и затравлено посмотрел на коллегу.

– Ага... – Затяжка – выдох. – Пришел... – Затяжка – выдох.

Вадим поравнялся с ним и остановился.

– Ну?.. – Затяжка – выдох. – Ты где пропадаешь?..

Голос у Фирмана был глухой, как у мумии.

– Пробки были... – неуверенно сказал Вадим.

Он долго молчал, тупо глядя на курсирующую туда-сюда сигарету Фирмана, потом, вдруг очнувшись, добавил:

– Эд, можешь мне сегодня поассистировать?..

– Что?.. – Фирман нервно хихикнул. – Поассистировать? А сколько, по-твоему, сейчас времени? И вообще, знаешь, что тут происходит?.. – он наклонился и прошептал: – Кое-что сверхъестественное...

Вадим бросил на него тусклый взгляд и хотел что-то сказать, но промолчал.

Мимо прошла санитарка с ведром. Увидев Расина, она шарахнулась в сторону, однако Вадим её не заметил. Он устался в стену и погрузился в себя.

Эдуард наблюдал некоторое время за Расиным, удивляясь тому, как за сутки помешательство может изменить черты человеческого лица и, гадая, что станет с ним самим завтра.

– Кого оперировать-то собрался? – наконец спросил Эдуард.

Вадим вернулся не сразу.

– А?.. Да так... Плановое... Калькулезный холецистит... паховая грыжа.

– Ясно... – Фирман швырнул бычок на лестницу. – Ну, так ты бери Портного. Только сперва проверь, готова ли операционная принять твоих пациентов.

– Да, готова... Я об этом накануне позаботился. Но, Эд, мне нужна именно твоя поддержка.

Фирман посмотрел поверх очков.

– Ты перепил вчера, Вадик, да?.. – он скорчил гримасу. – Вид у тебя не ахти...

– Так и есть. Я себя не очень хорошо чувствую...

– ещё бы... После того, что ты вчера выкамаривал.

– Выкамаривал?!

– Публику развлекал...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Зачем ты делаешь наивное лицо, Вадик? Ты действительно собираешься сегодня работать? Ты и в самом деле веришь, что твои пациенты, видевшие танцы-манцы, которые ты вчера в коридоре отчебучивал, теперь преспокойненько лягут на операционный стол?

– Эд, ты что? Я тебя не понимаю.

– Ладно. – Эдуард пожал плечами. – Допустим, ты несведущая жертва. Зачем ты пришел? За поддержкой? Чтоб тебя пожалели? Предупреждаю, я не буду с тобой носиться на руках. Я не собираюсь быть тебе нянькой. У меня своих проблем хватает.

– Я не прошу тебя быть моей нянькой. Просто мне нужно сегодня поработать с тобой в паре. Мне необходим надежный ассистент. Я хочу подтянуть работу и со следующей недели уйти во внеочередной отпуск. Эд, скажи, что я вчера такого натворил?

– Ага... Надеешься отсидеться дома... А что, если Галах тебя и там достанет?

– Галах?! Галах?! – по лицу Вадима пробежала тень ужаса. – Что ты об этом знаешь?!

– А почему ты так удивился? Я надеялся, это ты меня просветишь. Во всяком случае, Галах тебя простаком не считает.

Внезапно Расин с силой схватил Фирмана за воротник халата. Притянув к себе, он хрипло прошептал:

– Говори все, что знаешь!..

Фирман побледнел, но тут же резким движением отстранился и гордо поднял подбородок. Помолчав минуту, он сказал:

– Черт с тобой, идем.

Через пять минут Вадим сидел в своем кабинете, вжавшись в кресло. Обхватив голову руками, он слегка раскачивался взад-вперед.

Его разум протестовал, не желая соглашаться со случившимся, ибо, как оказалось, для того, чтобы навсегда потерять авторитет, достаточно нескольких минут аффекта.

Вчера ровно в четырнадцать ноль-ноль он вскочил со стула, неожиданно выбежал из ординаторской и трижды на весь коридор прокричал короткую фразу на никому не известном языке.

– Знаешь, это была полная галиматья, – сказал Эдуард. – Такие странные щелкающие звуки... Где ты так научился?

После этих выкриков Расин упал на пол и стал биться в конвульсиях.

– Не похоже на приступ эпилепсии, – заметил Фирман. – Барахтаясь на полу, ты совершал какие-то сложные замысловатые движения. После того, как две санитарки попытались привести твоё тело в вертикальное положение, ты укусил одну из них за руку и ползком попробовал забраться обратно в ординаторскую.

Вадим закричал зубами.

Он узнал, что подоспевшие сотрудники приняли меры по его обездвиживанию, но он сумел вырваться. В три прыжка он оказался посреди холла. Собравшийся на крики медперсонал, а также больные, сидевшие на кушетках стали свидетелями необычного поведения хирурга.

– Про танец дервишей слышал? – спросил Эдуард.

Вадим потерянно пожал плечами.

– Ты расставил в стороны руки и принялся с ускорением крутиться вокруг собственной оси, – пояснил Фирман. – Так делают дервиши. Это называется суфийское кружение. Я такие в Конье видел. Только они руки по-другому держат... Ты крутился настолько быстро, что мы попросту опасались к тебе подойти. При твоей комплекции никто этого не ожидал. Тогда Серега каким-то образом изловчился, прыгнул и сбил тебя на пол. Но тут ты вновь поднялся на ноги, засадил ему в челюсть и бросился бежать. У тебя был такой зловещий вид, что никто больше не решился встать на твоём пути.

– Черт бы меня побрал!.. – Вадим отнял руки от головы. – Но что это было? На что похоже? Ты – врач...

– Ну... я не спец. Сперва мы твоё поведение приняли за пьяный эпатаж. Возможно, это психоз, связанный с интоксикацией, передозировкой. Может, ты испытал какой-то стресс?.. А может, был все-таки делирий. Признайся, ты скрытый алкаш?

Вадим нервно почесал подбородок.

– Нет... не думаю... хотя не уверен... – Расин уронил голову. – Значит, меня видели все... таким?

– Многие. Правда, шефа при этом не было.

– Проклятье...

Он снова закрыл лицо руками, а когда через несколько минут открыл его, лицо было каменным.

– Да. Теперь все изменилось, – сказал Расин. – Единственное, что я знаю наверняка, это то, что вдобавок ко всему страдаю потерей памяти. Впрочем, этот диагноз справедлив только в том случае, если все сказанное тобой – правда.

Эдуард пренебрег последними словами.

– А что, если Галах вливает какую-нибудь дрянь в кондиционер, – предположил он. – И мы с тобой попросту надышались.

– Ты-то тут при чем? – Вадим покачал головой. – Ты ведь танец дервишей не исполнял.

– Пожалуй, нет. Иначе мне кто-нибудь об этом уже рассказал бы. Но у меня кое-что свое...

Он задумался, решая, говорить или нет.

– Ладно! – Расин неожиданно встал из-за стола. – Знаешь что, Эд? Если уж мы с тобой попали в эту дурацкую ситуацию, в которой все представляется загадочным и необъяснимым,

то давай найдем в себе силы не скисать и держаться вместе до тех пор, пока хоть что-нибудь не прояснится.

Он снял галстук и отшвырнул его в кресло.

– Если мы впадем в истерику или, ещё хуже, в депрессию, *они* очень быстро получают над нами полную власть. Мы не должны им этого позволить... Надо сопоставить факты и многое выяснить. Скажи, Эд, что ты знаешь о Галахе?

Фирман напряженно думал, потирая руки. Наконец невесело произнес:

– Я слышал голос.

– Что?

– Голос человека, которого не было поблизости.

– Всего-то? – Расин присел рядом с Фирманом на кушетку. – Вот что, Эд. Заяви ты мне что-нибудь подобное пару дней назад, я, может, и удивился бы... Но, учитывая то, что вчера довелось пережить, мне совсем несложно понять тебя.

Фирман снял очки, принялся их протирать.

– Голос принадлежал Галаху, – сказал он. – Это был разговор между ним и шефом. Они говорили о тебе... А я стоял и подслушивал.

Эдуард вкратце передал содержание разговора.

– Занимательно... – сказал Вадим, когда Фирман умолк.

– Да уж, – согласился Эдуард и попросил жестом пепельницу.

Прошло пять минут. Наконец, Вадим нарушил молчание.

– Позже, когда ты стал искать Галаха, как на это реагировал шеф?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты сказал: он удивился. Что это было: игра или и впрямь удивление?

– Бес их знает. Когда вошел настоящий Галах, никто даже глазом не моргнул. Наоборот, я заметил: шеф смотрел на меня, как на ненормального. Он сказал: эпидемия.

Вадим поднялся, стал медленно переодеваться.

– Что ж, у нас два варианта, – раздумчиво сказал он. – Либо мы оба сошли с ума, причем спонтанно, и для окружающих это явная неожиданность, либо мы с тобой жалкие куклы в чем-то кошмарном представлении.

Расин вдруг улыбнулся.

– Знаешь что, Эд. Прости, но... если бы я был один, мне было бы гораздо труднее взять себя в руки. Так что, спасибо тебе...

– Какой задушевный цинизм, – Фирман махнул рукой.

– Прости...

Расин загремел ключами, открыл сейф и осторожно вынул из него пару кожаных тапочек. Бережно поставил их на стол. Сел в кресло и, придвинувшись, стал разглядывать.

Фирман некоторое время наблюдал за товарищем по несчастью, затем произнес:

– Слышь? У тебя вроде прогрессирует.

– Подойди-ка, – негромко попросил Вадим.

– Впрочем, ты ведь раньше меня спятил, потому твое состояние потяжелее будет, – сказал Эдуард, вставая с кушетки и приблизясь к столу.

– Видишь на них пыль? – спросил Вадим.

– Вижу. И что?

– Это не просто пыль, Эд. Возможно, это доказательство нашей с тобой нормальности и... сумасшествия всего остального мира.

– О, боже!..

– Вчера на этой кушетке я смотрел одну женщину. Она просила меня избавить её от той самой «тяготы», о которой говорили лже-Галах с псевдо-шефом. Ведь я на самом деле не обычный человек. Я – ампутатор. Ты сам слышал. Не так ли?

Фирман криво усмехнулся.

– Так вот. Та женщина сказала, что её прислал Пиликин.

– Что? Тот самый бандюга? Я помню его. Ты делал ему спленэктомию. Это он пробудил в тебе способности?

– Выходит, он. А может, и не он. Не могу ничего сказать по этому поводу, поскольку сам я ничего о своих способностях не знаю.

– Да? – у Фирмана на лице появилось разочарование. – А жаль...

– Зато я видел эти самые «тяготы»... – он провел пальцем по пыльной коже. – Они материальны, хотя обычно не заметны. Когда я осматривал женщину, она была вполне здорова. Но совсем неожиданно у нее появилась дорога. Понимаешь?.. Обычная грунтовая дорога, которая как бы выросла из правого эпигастрия. Вот отсюда, – он показал на себе. – Внезапно все пространство в кабинете потеряло форму... Клянусь, что я мог бы идти по этой дороге, если бы захотел... Я даже сделал попытку. И вот пыль с этой дороги. Видишь, она желтоватая. Скажи, откуда на территории больницы может быть такая пыль?

Фирман молчал.

– Эта женщина – проводник, – продолжал Вадим. – Так же, как и Пиликин. А я – ампу- татор, на которого не действует мескалин. Рассуждаем дальше... Галах и шеф запускают таких, как я. И ещё тренируют адептов, которые идут по суровому пути...

– По строгому, – уточнил Фирман.

– По строгому... Есть видимое и есть слышимое. А ещё есть также невидимое и неслы- шимое, другими словами – потустороннее. И мы с тобой каким-то образом время от времени это потустороннее улавливаем. И я думаю, в этом есть закономерность. Последовательность. Здесь, несомненно, что-то происходит. Что угодно, но не наше с тобой сумасшествие. Почему я проявил наклонность к танцам дервишей? Почему ты слышишь нечто невозможное? Все это как-то взаимосвязано!.. Есть цель, которую мы ещё не можем с тобой осознать.

– Для психа ты рассуждаешь логично, – заметил Фирман, удивленный тем, как быстро Расин втягивает его в свою безумную игру.

– Коль на то пошло, то вот, что я предлагаю, Эд... Первое: мы должны держаться вместе, но при этом соблюдать определенную конспирацию. На меня будут смотреть, как на психа... Помоги мне сегодня организовать бригаду в операционной, вроде как берешь все на себя. Вто- рое: эту пыль мы отправим на анализ. Вдруг есть какая-то зацепка. В химической лаборато- рии санстанции работает моя бывшая однокурсница... Она поможет. Третье: ведем себя как ни в чем не бывало. Никаких многозначительных взглядов. Никаких выражений внутренней борьбы на лице. Мы – в высшей степени нормальны! И четвертое: мы за ними станем наблю- дать.

– Наблюдать? Следить? Присматривать? Отлично! Вот это уже похоже на паранойю. Но, ты знаешь, – он протянул руку, – я с тобой согласен. Со всеми четырьмя пунктами... Только вот что...

– Да, Эд?

– Окажешь одну услугу?

– Какую?

– Поможешь удалить из левого полушария жучки, которые эти мерзавцы мне вставили? –

Он постучал себя по виску.

– Что?! – Вадим метнул тревожный взгляд.

Эдуард хохотнул, и тут же осекся.

– Прости. Я пошутил.

Глава 5

Над поверхностью ледяного сердца вселенной-Мегафара, в одной из точек пустоты, начала рассеиваться тьма. Если бы недремлющие созерцатели замыслили досконально обследовать пустоту, то уже сейчас многое узнали бы о слете заговорщиков. Но внезапно появившееся свечение ни по силе, ни по продолжительности ничем не отличалось от вспышек бесчисленного числа самопроизвольно рождающихся частиц.

Криброк сбавил скорость, выставил руки вперед и пошел на сближение. Ему предстояло успеть заскочить в эту самую светящуюся точку до того, как стенки пустотного пузыря сомкнутся.

Срок, который совет стихий отвел на проведение слета, равнялся одной шестнадцатимиллиардной доле секунды. Вероятность того, что сходка может быть разоблачена, казалась незначительной. Между тем, Криброк принял все меры предосторожности: этого требовала инструкция.

Все пошло гладко. Миновало около трех стомиллиардных долей секунды, но ни скорость движения времени, ни процесс нарастания тяготения не изменились.

Криброк огляделся. Он прибыл к месту назначения первым. Была середина стадии сближения. Две спирали – синяя и белая – двигались навстречу друг другу. Движение было не просто механическим: волны, пробегающие от центра спиралей к краям, прокатывались мягко и отражали мирное настроение прибывших.

Синяя спираль была материей времени. Белая спираль состояла из пространства. Криброк не первый раз наблюдал такое: как-никак в Кантарате он был ведущим кашатером. Однако выдавший виды разведчик до сих пор не мог постичь странности юмора временных и некоторые обороты речи пространственных. Виной тому – издержки перевода. Иногда творящее подсознание давало маху: Криброк не знал, каким образом оно читает голосовые колебания и делает доступными разуму поступающие данные, облекая бесформенные сущности в двуногие тела.

Криброк остро ощутил присутствие иных форм. Те уже готовились к прыжку.

Время опускалось сверху, вращаясь со сверхсветовой скоростью. Пространство, поднимавшееся снизу, представляло собой точное его отражение, только скорость вращения была меньше.

Кашатер бросился в самую середину. В следующий миг стыковка состоялась. Криброк преобразовался и стал частью пустотного пузыря – простейшей частицы с неустойчивым ядром.

Возле самого уха раздался голос:

– Защита от взаимодействий!

Это значило, что пока пустотный пузырь будет существовать, никакая другая частица не сможет приблизиться к нему на критическое расстояние.

«Воображение!» – скомандовал Криброк. Он уже чувствовал, что работать придется на грани фола, и тут же увидел вримов. Сущности времени стояли перед ним качающимся забормом, а вокруг плавали шадры – сущности пространства.

Посреди круглой залы был установлен голубой трон. На нем восседал кто-то с головой, руками и ногами, как у хомуна. Слегка вытянутое синевато-зеленое подобие хомуна на троне – видимо, самая близкая, по сути, картина, которую могло создать подсознание Криброка, сиюсь придумать тождество временной сущности.

Величественная поза чужака указывала на то, что это не простой врим, а, возможно даже, настоящий даан – представитель благородного колена васты времени.

Драмин Хи? – мысленно проговорил Криброк.

Прочитав мысль, даан повернул к кашатеру голову.

Неужели-таки, Хи? Впрочем, почему бы нет? С тех пор, как стихии назначили Хи куратором Хомофара, он вечно влазит в дела хомунов.

Последняя мысли не ускользнула от пронизательного драмина, Криброк почувствовал это всем своим существом: сделалось неуютно.

Значит, Хи. Теперь это стало вполне очевидно, как и то, что на слете драмин будет председателем. Криброк распознал посланца времени по невозможности видеть его прошлое. ещё бы! Род высших сущностей! Предельная защита.

Хи состоял из тумана неопределенностей. Ключки вещества отрывались от тела и, превратившись в тонкие языки, кольцами обвивали туловище, шею, голову. Затем языки двигались по кругу и таяли в пустоте.

Хи был действительным членом великого даанского драмира. В его присутствии даже медлительные шадры становились по стойке «смирно».

Балмар не предупреждал о возможном участии Хи. Тем не менее, присутствие драмина указывало на особую важность мероприятия. Кроме всего прочего, Хи – кашетер высшей ступени. Он являлся должностным представителем семи видов времени и, соответственно, имел строение «частица в частице». Будь он простым вримом, на перелет с окраины к центру вселенной у него ушло бы самое малое шестьсот триллионов лет. Но он был настоящим драмином и при выполнении материальных шагов не нуждался во взаимодействии с пространством. Другое дело – шаги сознания. Тут Криброк, как хомун, имел перед Хи явное преимущество. Хотя сам Хи с этим вряд ли бы согласился.

Председатель осматривал присутствующих. Другие пространственные и временные – ведущие кашатеры всех двенадцати фаров вселенной, – стояли, образуя тесный полукруг. Бледные тени, большей частью серовато-голубые, с недоразвитыми конечностями и крошечными головами. Они раскачивались из стороны в сторону, некоторые из них то и дело сдваивались и даже сливались в ватаги, создавая непрерывный шум.

Только одна пространственная сущность выделялась среди остальных. Судя по характерному излучению, сущность могла быть благородной харитянкой. Она имела длинный сиреневый шлейф и высокий головной убор. Наделив сущность подобными признаками, подсознание несомненно хотело отметить её принадлежность к высшему кругу.

Кто знает? Может, она и впрямь из рода харитов. Прекрасна она или уродлива? Погрешность толкования реальности составляла ноль целых двадцать три сотых. Другими словами, кое-что в увиденной картине могло являться зрительным обманом.

Кашатер ждал, когда кто-нибудь заговорит. Язык более достоверен: у всех сущностей он представляет собой обыкновенный двоичный код. Творящее подсознание, коротко называемое ажной, могло преображать любую речь почти в человеческую. Хоть не всегда перевод был точным.

– О, преподобный! – сказала женщина со шлейфом, обращаясь к Хи и приводя этим обращением Криброка в некоторое замешательство. – Приветствую вас от имени всей васты пространства.

Харитянка посмотрела на кашатера и застыла. Тот поклонился и, пожимая плечами, пробормотал:

– Драмин Хи!... Приветствую вас от имени Хомофара.

Председатель едва нахмурился, лицо его чуть увеличилось в размерах.

Мировое зло! Ему не понравилось мое обращение, подумал Криброк. Надо было сказать «преподобный». Придется идти на уступку.

– Э-э... Простите... Меня, честно говоря, не предупредили о... новом этикете. – Криброк сделал непорочное лицо.

Хи небрежно откинулся на спинку трона.

– Разумеется, кашатер, – сказал он. – Вы не могли ничего знать. И не ваша вина. Мы знаем, что вы один из лучших в фаре. Садитесь. Хочу, чтобы вы внимательно выслушали все, что скажет госпожа Лиуо.

Из пустоты возникло сиденье – изогнутая змейкой фиолетовая пластина.

Криброк, чувствуя неловкость, расположил свое духовное вещество так, будто оно сидит на стуле, и попытался сосредоточить внимание.

– К делу, – сказал драмин. – Итак, госпожа Лиуо. Управляющая нитями. Кашатер первого фара васты пространства.

Женщина со шлейфом вышла на середину. В извилистых руках она держала планшетку с откидными листами.

– Преподобный! Соратники! – громко сказала она. – Захватчик продолжает расширять круг власти. За отчетный отрезок времени исчезло сто семнадцать звездных скоплений. Скопления по-прежнему исчезают одно за другим, хоть и в беспорядке. Лишь шесть из них достоверно поглощены боевыми воронками во время учений. Об остальных известно, что они перешли в пустоту. ещё триста сорок два скопления превращены в правильные спиральные туманности.

Если бы в пустотный пузырь можно было пронести волосы, сейчас они стали бы дыбом.

Буквально перед отлетом Криброк впервые услышал о Захватчике от Балмара. Всего лишь бездоказательное предположение. Неужели все – правда?! В таком случае сейчас драмин выскажет претензии.

– Безупречно правильные спирали. – Харитянка обвела взглядом присутствующих. – Они располагаются в особом порядке. Мы пока не можем разгадать смысл этого порядка. В нашей группе не хватает представителей сознания из разряда ясновидцев...

Вот почему я здесь! – подумал Криброк. – Любопытно, как бы на моем месте поступил великий Махалус?

– Ни одно объединение шадр или вримов, ни одна армия вселенной не способны на такое, – продолжала Лиуо. – Закон естественной иерархии говорит, что ни время, ни пространство не могут нарушить Великое Соглашение. Наши васты ортодоксальны и неспособны к измене, бунту, подвохам. Мы рассматриваем их как недопустимое. С самого начала у нашей группы создалось впечатление, что происходящие события – дело рук сверхмощного террориста одного из фаров сознания. Прежде мы работали с разбойниками и несколько раз с крупными торговцами оружием. Опыт доказал, что преступность существует только в фарах сознания. Материя пространства и времени, втянутая в грязные сделки, была предварительно искривлена.

Раздался общий вздох негодования.

– Так куда же все-таки пропали звездные скопления?! – воскликнул кто-то из шадр.

Лиуо прокашлялась и перевернула страницу.

– Разумеется, мы провели все необходимые исследования, и нам удалось проследить, откуда поступают сигналы.

Криброка кольнуло неприятное предчувствие. В следующий миг взгляд Лиуо скользнул по его лицу.

– Теперь время и место существования культуры, породившей Захватчика, достоверно известны, – понизив голос, проговорила харитянка. – Планета Вода, третья в звездной системе круг-два-круг-сорок-первого спирального скопления. Хомофар. Вот, конкретно здесь...

Она развернула объемную карту и ткнула пальцем в один из уголков вселенной. Некоторые из присутствующих мельком взглянули на Криброка.

– Всякий раз, приближаясь к нему на критическое расстояние, мы теряли его из виду. К сожалению, наша юрисдикция не распространяется на эту территорию. Но среди нас есть её представитель, и, думаю, он все расскажет сам.

– Господа! – сказал кто-то дрожащим голосом. – Вы понимаете, что шанс, который давал нам Харт, потерян!

– Однозначно! – отозвался кто-то. – Харт не простит. Теперь о том, что двенадцать фаров будут когда-нибудь уравновешены, даже и не мечтайте! Мастера Справедливости не будет!

– Мастера не будет! – повторили несколько голосов. – Несправедливый порядок останется. Нас по-прежнему будут обкрадывать!

Верьте Харту больше, подумал Криброк. То, что для вас трагедия – для него забава.

– Да если б только это, господа! – воскликнул кто-то. – Всему великому Мегафару грозит смертельная опасность?!

Толпа зашумела и стала надвигаться на Криброка.

Кашатер хотел вскочить, но его крепко прижали к стулу.

Резкий неприятный звук заставил всех умолкнуть.

– Хочу, чтобы вы кое-что услышали, – сказал Хи. – Ученый Заро, прошу вас.

От толпы вримов отделилось серое пятно. Быстро задвигая ложноножками, оно подплыло к Лиуо, остановилось.

– Уважаемая коллега!.. – пропищало пятно. – Должен вас поправить. Звезды не превратились в ничто.

Пятно подождало, затем объявило:

– Звезды поглощены временными дырами. Это те же пространственные воронки, только без участия харитов. Сделаны исключительно из сверхплотной материи времени. Полагаю, их создал Захватчик.

– Подробнее, ученый Заро, – сказал председатель.

– К сожалению, мне известно мало, – отозвалось пятно. – Обнаружены сильные перекосы времени в некоторых точках четырех скоплений. Однако мы не выявили никаких изменений пространства в этих точках. Наши наблюдения совпадают, госпожа Лиуо?

– Всецело... – ответила харитянка. – В самом деле, без вести исчезнувшие туманности представляли собой четыре скопления и оказались втянуты в определенные точки.

– Все верно, – сказала пятно. – Черная дыра – нет времени, временная дыра – нет пространства. Первая искривляет пространство и поглощает вещество, вторая также поглощает вещество, но искривляет время. В войне, которую не мы первыми объявили, и те, и другие тела используются как оружие. Вот так! Черные и временные дыры – оружие Захватчика.

Пятно учтиво поклонилось и заняло место рядом с Лиуо.

– Лиуо, продолжайте, – сказал Хи.

– Да, преподобный!..

Вспышка! Все исчезает. Перед Криброком проносятся нескончаемые ряды нулей и единиц.

Строй постоянно нарушается. Ну и порядок! Куда смотрит совет стихий?

Восстановление! – мысленно приказал кашатер. Постепенно все возвратилось на свои места, только несколько поменялась форма трона, а в осанке Лиуо прибавилось женственности.

Кашатер поднял руку.

– Прошу вас, помедленнее. Если можно, более короткими фразами. Немного трудно переводить.

– Лиуо, – сказал Хи. – Будьте добры, передавайте сведения с меньшей скоростью.

– Да, преподобный... – Лиуо перевернула страницу. – В настоящий момент Захватчик владеет не менее одной двухсотой вселенной. Им захвачены отдельные участки в разных местах. И еще. Мы кое-что заметили в конусе семь-три-девять-один.

Лицо председателя напряглось.

– Говорите.

– В указанном конусе есть действующая воронка. В 4,73045712829371123 на десять в семнадцатой степени секунд от сотворения вселенной горизонт событий воронки покинул нечитаемый объект. Странник пересек три крупных скопления по пути в Хомофар. Дважды он исчезал из поля видимости и вновь появлялся. В конце концов, он остановился на одной из планет указанного конуса в спиральной туманности круг-два-круг-сорок-один. Это недалеко от местоположения Захватчика. Но мы подозреваем, что сам путешественник Захватчиком не является.

– Почему? – поинтересовалось пятно.

– Захватчик не менял местоположения. По нашим данным, он вообще никогда не перемещается.

Лиуо указала на Криброка. Все участники слета также повернули головы в его сторону, даже те, у кого на месте голов торчали бесформенные болванки.

– Васта пространства настояла на том, чтобы на собрание пригласили порождение сознания с планеты Воды. По иронии судьбы ею оказался ведущий кашатер Хомофара.

Шум усилился. Ситуация выходила из-под контроля. Бледные тени участников смешались воедино, превратились в марево. Зазвучал смех, походивший на рыдания. Криброк знал: то была боязнь, источаемая вримами и шадрами.

Вскоре пустотный пузырь наполнила стихия страха.

Удвоить уровень подачи силы! – распорядился Криброк. На сей раз в обстановке зала отчетливо проявились готические подобию. Тени собравшихся почти материализовались. У некоторых даже обнаружили лица.

– Хорошо, – сказал Хи. – Мы всегда полагали, что покинуть черную дыру невозможно. Все же меня интересует мнение каждого по следующему вопросу: втягивался ли объект в поле работающей воронки? Вы скажите все, что думаете. Можете говорить одновременно. Наша задача не упорядочить, а объединить данные. Здесь собрались представители разных фаров. Все, о чем прошу – соблюдать кодекс чести. Надеюсь, все ознакомлены с приказом совета стихий номер три на десять в восьмой степени плюс триста двенадцать? Он называется «О порядке проведения заседаний у поверхности ледяного сердца вселенной».

Все стали дружно кивать, снова поднялся шум. Бесперебойная молва стала наполнять внутреннее пространство пузыря.

Криброк, насколько мог, прослеживал ближайшее будущее председателя. Это действие было единственным, что в состоянии нарушенного равновесия могло дать ощущение тверди под ногами. Охват был не широк, немногим более четырех миллиардных секунды. Пока на горизонте будущего председателя Хи ничего особенного не происходило.

Спустя три долгих миллиардных доли секунды тарабарщина, наконец, унялась.

– Итак?.. – Хи вопросительно глядел на Криброка.

– Запрещенные искривления, – сказал кашатер. – Думаю, господин председатель... э-э... преподобный... по ним вы и сможете найти Захватчика.

Хи замер, а Лиуо встрепенулась, словно кто-то решил влить в нее лишнюю порцию силы.

– Вы же прекрасно знаете, что мы не станем нарушать Соглашение! – воскликнула она. – Ни мы, ни время!

– Она права, – проговорил Хи. – Все трудности из-за расового различия. Мы неспособны к коварству, в отличие от вас. Соглашение для нас незыблемо.

– Как же, знаем, – отозвался Криброк. – Вы, драмин, и ваша прихлебательница Лиуо – почти чистые васты. А мы, хомуны, – всего лишь полукровки. Всю грязную работу приходится делать нам. Как и в тот раз, с торговцами. Ну, а если так, то задача всецело ложится на плечи кашатеров Хомофара.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась Лиуо. – По-вашему, две великие васты будут бездействовать, в то время как одна слабенькая организация с громозвучным именем Кантарат, находясь в тылу врага, попытается спасти вселенную?

Вот они, парадоксы иной логики, подумал Криброк.

– Так чего же вы хотите? – спросил он с подчеркнутым спокойствием. – Собираетесь сделать работу нашими руками или займетесь сами?

Проговорив это, Криброк тотчас увидел, как в будущем Хи сужается мир.

Это сильно походило на взрыв пустотного пузыря.

Движение вне времени! – приказал кашатер. Пора было давать деру.

Действуя по правилам, Криброк тут же покинул оболочку мысленного двойника, прошел мимо сущностей и слился со стенкой пузыря.

Значит, в совете стихий есть изменник, подумал он.

Лиуо внимательно посмотрела на Криброка, точнее, на его двойника.

– Как вас зовут, юноша? – спросил Хи, удивленный дерзостью полукровки.

– Кашатер Криброк! – бойко отрапортовал двойник.

– Обращаюсь к вам, уважаемый Криброк. Растолкуйте обстоятельство, как представитель сознания.

– Я работаю на Кантарат, – сказал кашатер. – Наш кодекс не повторяет законы, которые создали персоназы. Я не являюсь представителем сознания. Я живу также во времени и пространстве.

– Но вы – хомун! – взвизгнула Лиуо. – Такой же, как и все другие материальные порождения сознания. Да, вы – производное всех трех васт, но прежде всего, каждый из вас – тень одной персоназы.

– Что ж из того? – проговорил кашатер, скользя по стенке пустотного пузыря. – Разве это лишает меня права выбора?

– Тем не менее, скажите, что вам известно о деятельности Захватчика. Вы локализуетесь с ним на одной планете.

– Все, что мне известно – не более чем слухи, – возразил Криброк. – Мы не занимались Захватчиком.

– Неужели! – воскликнуло пятно по имени Заро. – Вероятно, ваш Кантарат сейчас занят более важными делами, чем спасение вселенной? Хороши, нечего сказать!

– Мировое зло! – вспыхнул Криброк. – Не вам судить.

Будь бы здесь Махалус, он бы разнес их в пух и прах!

– И все же, – проговорил Хи. – Что вам известно об Захватчике?

– Мне ничего не известно о деятельности Захватчика.

– Сущности сознания умеют обманывать.

– Могу присягнуть перед советом стихий. Но... кстати, вы тоже хороши. Разве не временные навязали нам два и семь на десять в девятой секунд или, как мы их называем, восьми-десятипятiletние проекции, ограничивающие срок нашей жизни? Где об этом говорилось в Соглашении или других законах? Привести ещё примеры?.. Я прекрасно понимаю, что происходит. Время и пространство объявляют войну сознанию.

Хи топнул ногой.

– Довольно упражняться в риторике, господин Криброк! Вы что, не понимаете, насколько все серьезно? Тайные службы времени и вроства приняли решение сплотиться с целью

создания крупного военизированного объединения. Мы не завоеватели и не повстанцы. Наша задача – сохранить установленный порядок.

Понятно, притязания были, но понимание вримов не позволяло изложить их в достаточно жестком виде. Да, они подозревают васту сознания в попрании Соглашения и подозревают Хомофар с его планетой Воды (добрались-таки до самой оболочки!). Они пытаются определить виновного, но пока у них нет доказательств. Однако главная их цель – затеять восстание.

– Зачем вам я?

– Вы уже сами догадались.

– Я должен донести весть о начале войны до своего начальства? До Кантарата? Может, до Захватчика? Или до персоназ?

– Не беспокойтесь, для миссии гонца вы слишком опытный кашатер.

– Значит, хотите меня завербовать?

– Нет, мы вас не вербуем, – сказал Хи. – Мы вас похищаем.

Он хлопнул в ладоши и стул-пластинка, на котором сидел двойник Криброка свернулся в цилиндр.

Кашатер видел, как двое вримов приблизились к цилиндру и, слившись воедино, поглотили его в себя.

– Так надо, – проговорил драмин, словно оправдываясь перед собравшимися.

В следующий миг невероятной силы взрыв разнес пустотный пузырь.

Глава 6

Нарисовав на коже пациентки четыре крестика – места введения лапаропортов, – Вадим почувствовал привычную бодрость, приходящую перед началом любой операции.

Анестезиолог Илья, анестезистка Марина, операционная сестра Света – все бросали на него пытливые взгляды, загадочно помалкивали, но ему было все равно. Ставка слишком высока, чтобы обращать внимание на праздное любопытство.

Теперь под ногами крошечный островок. На нем вдобавок умещается извечный соперник и оппозиционер Фирман. Волею случая Эдик стал партнером. О'кей, настоящий друг познается в беде. Хоть прежде и не так часто приходилось работать вместе, некоторые навыки совместной оперативной практики у них имеются.

– Начинаем!

Вадим трижды старательно обработал операционное поле. Кожа пациентки намокла, порозовела, по ней поползли блики. В пупочной ямке образовалось маленькое озерцо спирта. Расин внезапно осознал, что видит в нем отражение Эдуарда.

Медсестра развернула сложенную валиком простынь, накрыла пациентку. Извлекла салфетки, зажимы. Фирман молча ей помогал.

Движения коллег казались Расину несколько замедленными, и он ловил себя на мысли, что хочет их поторопить.

Он дождался, пока, наконец, все будет готово, и скомандовал:

– Скальпель.

Взяв инструмент, он проделал небольшое отверстие в брюшной стенке – на три сантиметра ниже пупка. Машинально промокнул его, хотя и так не выступило ни капли крови.

Надо произвести операцию быстро и предельно аккуратно. Движения должны быть точными, этапы – последовательными. Удачный исход – вот первый шаг – нет, не к реабилитации, – к преодолению тех преград, которые ставят неведомые силы на пути к неосознанной ещё цели.

– Света, шить...

Взяв иглодержатель, он проверил правильность положения иглы, примерился...

Вы находитесь на третьем уровне...

Вот о чем он успел подумать.

Ноги сами оторвались от земли.

Яркий свет.

Стало просторно, словно стены операционной рассыпались на части.

В следующий миг он стал острием иглы.

Операционное поле развернулось далеко внизу бескрайней равниной телесного цвета, и Расин повис над ней вниз головой.

Он попытался осмотреться, но шея была неподвижна, ведь она теперь из стали.

Но где же тот, кто его держит?

Руки, голова, спина, чувство устойчивости и вертикали – все исчезло.

Зато стала ощущаться собственная заостренность. Теперь его цель – протащить толстую шелковую нить сквозь плотную связку...

Внезапно ранка в стенке живота понеслась навстречу, стремительно увеличиваясь в размерах и превращаясь в овраг. Расин видел приближающиеся кожные поры, кровавый обрыв разреза. Ему стало страшно. Он попытался уклониться, выскользнуть из мертвой хватки игло-

держателя. Игла завиляла. Все завертелось перед глазами. Опять вспышка... Что-то дернуло назад... Чересчур стремительно...

Расин покачнулся, потерял равновесие, стал валиться на пациентку.

Эдуард заметил движение, чуть выставил вперед плечо. Вадим уперся в него. Его взгляд затуманился.

– Вадик... – чуть слышно шепнул Фирман... – Могу заменить тебя... если хочешь... Только прошу, сейчас притворись, что шьешь...

Привычные ощущения мало-помалу возвращались. Немного кружилась голова...

Но... Они не должны этого видеть.

Вадим собрал остатки сил, сосредоточился. Выпрямился, не спеша осмотрелся по сторонам, взглянул на операционное поле, на ассистента.

– Нет, Эд... Все в порядке...

На ум пришло «Превращение» Кафки. Он содрогнулся при мысли о том, что ему, как и Грегору, проснувшись однажды сороконожкой и утратившему дар речи, придется остаток жизни провести в заточении.

Если он сдастся, то никогда уже не сможет приспособиться к нестабильному миру и к самому себе, постоянно меняющемуся. Завтра он превратится во что-то совсем иное, откроет рот и не поймет собственной речи. И тогда его наверняка поместят в палату для психов.

Нет. Нельзя позволить себе утратить связь с миром.

Он выучит все движения заново, научится слышать и видеть сквозь призраки...

С этой мыслью Расин крепче сжал держатель, с усилием проколол белую линию, протянул нить, сделал узел. Намотав нить на палец, поднял участок брюшной стенки – получился небольшой купол.

– Света, троакар... – Голос его стал тверд и спокоен.

Он не увидел её рук: только глаза, глядящие из-за горизонта.

Громадный конус пролетел над головой, как комета, и мощные воздушные потоки качнули прожектор.

Чьи-то тени взметнулись повсюду.

Конус вонзился носом в бледную поверхность, встал вертикально. Медленно вращаясь, начал зарываться в плоть.

Двигаясь за ним по инерции, Вадим почувствовал, что заваливается на бок.

Что, если он провалится вслед за троакаром в брюшную полость?! Он же собой убьет пациентку!

Инструмент неумолимо погружался.

Вадим попытался обхватить его руками. Надо во что бы то ни стало задержать троакар. А потом упереться коленом в живот...

Стоп! – крикнул он себе. – Не сходи с ума!

Это всего лишь десятимиллиметровый троакар! Ты и так держишь его в руке.

Ты все ещё здесь, у операционного стола.

Просто изменились твои ощущения. Но ты обязан к этому привыкнуть.

Слишком много упрямства... Нельзя так жестко сопротивляться. Будь гибким.

Не борись с реальностью.

Прими это...

Вадим постарался расслабиться.

Кто-то по-прежнему поднимал купол, создавая под брюшиной безопасный участок пустоты.

Троакар плавно втиснулся в отверстие и, наконец, остановился.

Петля.

Узел.

Готово.

Он перевел дыхание. Порт закреплен.

Но это пока только один из подготовительных этапов. Как же он сможет дойти до конца?

Вадим поднял глаза на Фирмана. Тот был невозмутим.

Ладно...

– Эд, вводи лапароскоп!

Фирман заработал с энтузиазмом. Он принялся усердно двигать локтями, наклоняясь и поворачиваясь, управляя инструментом и продвигая объектив к желчному пузырю.

Иногда он поднимал лицо, и Вадим видел его взгляд, полный решимости.

Операционная сестра то и дело поглядывала за работой Фирмана: прежде он никогда так не старался помочь Расину.

– Есть, – сказал через минуту Эдуард.

Вадим внимательно поглядел на монитор, кивнул.

– Света, два пятимиллиметровых.

Волнение тут же прошло. За долю секунды он увидел весь ход предстоящей операции, прокрученный как фильм на ускоренном воспроизведении.

Он взял скальпель и сделал новый надрез в правом подреберье.

– Шить!

Внезапно его движения стали убыстряться. Несколькими виртуозными жестами наперсточника он установил ещё два порта и без промедления перешел к следующему этапу.

Пузырь находился достаточно глубоко, однако Вадим знал, как избежать трудностей. Каждым предстоящим действием надо было всего лишь копировать очередной кадр из фильма.

– Диссектор!

Вадим не сводил глаз с монитора. Теперь он весь был погружен в работу.

Медсестра с трудом успевала подавать необходимые инструменты и забирать использованные.

– Крючок... Клипс-аппликатор... Вытаскивай... Ревизия ложа... Изменить экспозицию... Камеру выше... Десуфляция...

Миновало не более десяти минут, как он повернулся к Фирману.

– Порядок, Эд. Санируем.

Медсестра засуетилась, подавая шприцы, наполненные раствором фурацилина, зашумел вакуумный отсос.

– Кстати, вакуум является родоначальником пространства и времени, – сказал Вадим. – Вы это знали?.. И вообще, кто-нибудь задумывался, что такое вакуум?.. Ну, все. Выходим... Как у нас дела, Илья, – он обернулся к анестезиологу.

– Сто двадцать на восемьдесят пять. Полный порядок. Вывожу из наркоза.

Вадим взял с операционного столика желчный камень, повертел его в руке. Конкремент был рыжевато-зеленый, неправильной яйцевидной формы. Причудливый узор на одной из его сторон напоминал извивающуюся змею и одновременно человеческий профиль.

Расин вышел из операционной, стал стаскивать перчатки, маску...

Жизнь в нестабильном мире может наладиться. Слепые от рождения, которым через много лет восстановили зрение, тоже не могли ходить, прежде чем прошли длительный восстановительный период. Новое чувство становилось для них помехой.

Сейчас у него трудное время, но скоро он адаптируется. Важно не впадать в панику. Шаг за шагом, он освоит свои новые способности. Поймет, что они собой представляют и как ими пользоваться.

Вы находитесь на третьем уровне, – опять вспомнил он. – Не забудьте закрыть за собой...

Вадим машинально захлопнул дверь операционной, хотя все было закончено, и пациентку погружали на каталку.

Беги прямо сейчас...

Кафель в предоперационной комнате поплыл.

Большой эмалированный таз для мытья рук задребезжал, и по поверхности раствора С-4 пошли частые круги.

– Вадим Борисович!!! Она умирает! Лена, зови Михаила Сергеевича!

Света толкнула дверь плечом, прикрывая стерильные руки салфеткой.

Едва не сбив её с ног, Вадим заскочил обратно в операционную.

– Илья! Что?!

– Нет давления...

Уже понимая, что мир в очередной раз изменился, Вадим на слабеющих ногах приблизился к только что прооперированной пациентке.

Нет... Та была поменьше ростом. У этой слишком мощное мужеподобное телосложение.

Он осторожно отвел марлевую повязку, приклеенную к коже несколькими полосками пластыря. Похоже, тут была рваная рана.

Всюду кровоподтеки, ссадины...

Расин тронул дренирующую трубку. Издав чавкающий звук, она вывалилась. Из отверстия потекла густая темная кровь.

Вадим посмотрел в таз, стоявший на полу. Там, среди окровавленных марлевых салфеток, багровым островком возвышался внушительный кусок печени.

Третью правой доли, подумал Расин.

– Она уходит... – проговорил Илья.

Вадим отбросил простыню, изолирующую лицо пациентки и обмер.

Перед ним лежала Гаерская. Подбородок её агонирующе вздрагивал.

Расин отступил назад.

– Эд!..

Но Фирман не отвечал.

– Эд! – вновь позвал Вадим.

Он оглянулся, но увидел лишь испуганные лица операционной сестры и анестезистки.

– Где Фирман?.. Куда он ушел?..

У Светы расширились глаза.

– Вадим Борисович... Но... сегодня его здесь не было.

И тут её взгляд стал бессмыслен.

Глава 7

Беги прямо сейчас!

Сорвав бахилы, Вадим бросился в коридор.

Унылая явь навалилась не него.

Мир стал другим. Разве это тот оперблок, в котором он проработал девять лет? Здесь слишком низкие потолки, чересчур узкие окна. Всюду серая краска. Вместо линолеума керамическая плитка.

Расин быстро свернул влево и побежал. Гулкий звук шагов слился с оставшимися позади криками.

Пугающе длинный коридор... Он будто переходит в тоннель: впереди ряд окон заканчивается, и конец коридора утопает в сумраке.

Куда бежать?

От окружающей обстановки и всего происходящего веет коварством и агрессией. Каждая трещина на штукатурке смотрит испытывающе.

Тело кажется чужим, как отсиженная нога. Голова отказывается думать: ситуация необъяснима...

Пропал островок, который был надеждой и спасением, – он растаял как мираж...

И Фирман будто сквозь землю провалился. Что с ним случилось? А ведь он тоже каким-то образом втянут в эту историю.

Может быть, объединив усилия, они сумели бы побороть обстоятельства и вернуть прежнюю нормальность мира?

Впрочем, даже, если ему и удастся разыскать компаньона, помнит ли Эдуард их последний разговор?..

Да ладно... Неважно. К черту все это! Что бы ни случилось с Фирманом, тебе самому нужно выжить, сохранить внутреннее ядро. Знай: это путь одиночки. Ты не должен подчиняться отчаянию. У тебя есть цель. Она вплетена в твое прошлое.

Добежав до конца коридора, Расин с силой толкнул дверь, словно боялся, что она окажется запертой на замок. Дверь распахнулась. Выскочив из блока, Вадим натолкнулся на чью-то крупную фигуру.

– Доктор! – Железная рука схватила за запястье. – Как она?..

Внешность мужчины была кошмарной. Длинные волосы, массивный подбородок, чрезмерно толстые губы, неестественно развитые плечи – все вызывало отвращение...

– Что вам от меня нужно? – рявкнул Расин, пытаясь выдернуть руку.

– Постойте, пожалуйста... Только два слова...

Лицо громилы казалось знакомым.

– Вы...

Губы громилы тронула ухмылка.

– Гаерский. Племянник Гаерской. Мы с вами час назад разговаривали. Помните?.. Извините, что остановил... Честное слово, просто не нахожу места...

Что таится за зловещей маской? Сами по себе слова вежливы, однако, тон враждебен.

Племянник изменил поворот головы, посмотрел исподлобья.

– Ну и?.. Как она? – Темная фигура тяжеловеса застыла на фоне серого окна в ожидании ответа.

– Н-не знаю... – глухо отозвался Вадим. – Не могу сейчас говорить с вами...

Глаза громилы тускло блеснули.

– Почему же? Что-то не так?..

– Не так, – коротко ответил Расин. Он силился освободиться. Внезапно лицо громилы исказила безобразная ухмылка.

– Какого хрена обещал, что все будет в порядке? – Он приблизил лицо почти вплотную. – Знай: если с ней что-нибудь случится, ты – покойник. Понял меня, докторишка? Ну! Теперь я тебя слушаю.

– Сперва... отпустите меня.

Племянник посверлил Расина глазами и ехидно произнес:

– Ах, да... Прошу прощения...

Он медленно разжал кисть.

Расин потер запястье и отступил.

– Ну? – Взгляд племянника пронзал насквозь.

– Я не могу с вами говорить, – снова повторил Вадим.

За дверью операционного блока слышались голоса.

Страшный сон. Надо бежать туда, где никого нет.

Нужно время, чтобы прийти в себя. Побывать одному, осмотреться. Не то чуждый мир одолеет.

– Вы... – Голос Вадима дрожал. – Лучше будет, если обратитесь за информацией... к моим коллегам.

Он попытался выскользнуть, но громила угрожающе шагнул навстречу.

– Ну-ка, не спеши, докторишка...

Ринувшись вперед, громила схватил Расина за рубашу, прижал к стене. Вадим стукнулся затылком.

– Что ты с ней сделал, тварь? – брызжа слюной, прохрипел громила и навалился всем телом.

– Отпустите! – Вадим попытался высвободиться, но куда там: Гаерский весил не меньше центнера. Стало трудно дышать.

– Имей в виду, докторишка. Если что не так, я из-под земли тебя!..

Скрипнула дверь.

И вдруг, словно пленку зажевало. Скрип затянулся, превращаясь в низкий монотонный гул. За матовым стеклом поползли тени. Пасть громилы отверзлась, испуская басовитый рык.

Время стало вязким.

Вадим неожиданно постиг реальность. Он отчетливо увидел вариант будущего – таким, каким оно могло бы стать через пять-десять секунд.

Илья, Света, Марина – уже не те люди, которых он знал на протяжении многих лет. Тут они – призраки. Хотя у них на самом деле есть основы, источники, откуда исходят лучи. Мир, в котором родился и вырос Вадим – всего лишь одна из дальних плоскостей. Такая плоскость улавливает луч и фиксирует на себе его проекцию.

Расин и сам – одна из таких проекций, считающая себя личностью. Каким-то образом он перескочил выше, ближе к источнику лучей, неся с собой совокупность черт, образованных своей же проекцией.

Но здесь мир совсем иной. Эта плоскость размыта, она не может зафиксировать отображения большинства лучей, и потому пустынна и малообитаема. Призраки, идущие за ним, словно контуры людей, которых он знал. Они несут в себе лишь малую часть принадлежащих им свойств, хоть и в полной мере владеют силой луча. Это не личности, а темные подсознания.

Возможно там, в их привычном мире, они не понимают, что случилось с Расиным. Там происходит что-то совсем иное, чем здесь. Вероятно, у него опять приступ сумасшествия, и они просто силятся ему помочь.

Вот что произойдет здесь: коллеги вбегут в комнату ожидания и попытаются вернуть его назад, в операционную, для того, чтобы он стоял и смотрел на убитую им женщину.

Он должен бежать от своей вины, от призраков, от Гаерского. Но спрятаться надолго в каком-нибудь закоулке этого мира нельзя, ибо тогда он останется здесь навечно.

Он должен бежать.

Расин изо всех сил боднул громилу в переносицу, согнул ноги в коленях, скользнул спиной по стене, очутился на полу, дал кулаку разогнаться ровно настолько, насколько позволило образовавшееся пространство, и с силой впечатал кулак в пах громилы. Тот крикнул и повалился назад.

В ту же секунду дверь стала открываться. Голоса за ней звучали так низко, что слов нельзя было разобрать.

В следующий миг Вадим был уже на ногах. В два прыжка пересек комнату ожидания.

Над стеклянной дверью, ведущей в коридор, черной краской была выведена цифра «4». Что это значит? Оперблок всегда был на пятом этаже!

Он распахнул дверь.

Полет... Падение... Черный тоннель... Звезды... Вспышки... Черный тоннель... Коридор...

Коридор напоминал абдоминальное отделение только в общих чертах. Там, в конце, сразу за ординаторской, должен быть его кабинет.

Вадим пробежал мимо лестницы, краем глаза заметил поднимающегося Галаха.

– Ты молодец, Расин! – крикнул Галах вслед. – Все верно понял! Ты уже на четвертом уровне! Дальше давай сам!

Вадим, не замедляя ход, пробежал мимо.

– Главное, дверь закрывай за собой! – донеслось сзади. – После каждого уровня... И ни в коем случае не останавливайся! Засосет!

В стене появился просвет: стала открываться дверь ординаторской. В проеме показалось широкое, как сковородка, лицо заведующего. Пробегая мимо, Вадим поймал его озабоченный взгляд и заметил за плечом шефа Портного и Серегу. Они стояли неподвижно, как каменные изваяния.

– Вадик! Постой! – окрикнул его шеф.

Внезапно Расин сообразил, что оставил ключ от кабинета в кармане халата. Он выругался и медленно обернулся.

Шеф наступал, широко расставив руки. Шел на носках, нелепо улыбаясь, словно собирався изловить мотылька.

– Ребята. К стеночке его прижимайте, к стеночке, – говорил он.

Портной и Серега шли позади. Лица их были бесстрастны, глаза пусты.

Выйдя из-за спины заведующего, Серега также растопырил руки и стал обходить сбоку.

– Что я вам сделал, сволочи?! – голос Расина сорвался на злобный визг.

Он изо всех сил саданул в дверь кабинета плечом, но дверь не качнулась.

В конце коридора появилась операционная бригада во главе с племянником Гаерской.

Размахивая руками, группа людей побежала в сторону ординаторской.

Неожиданно наперерез бросился Галах.

Ростом он был несколько ниже Гаерского, но массы тела хватило, чтобы опрокинуть бегущих навзничь.

Упав сверху, Галах тут же приподнялся и, упираясь рукой в грудь громилы, стал наносить удары кулаком. Глядя на широкую спину в белом халате, можно было подумать, что это рыночный мясник, махая топором, разделывает тушу.

Вадим попытался занять оборонительную стойку, но руки шефа уже вцепились в воротник. Серега бросился вниз, обхватил ноги и стал валить на пол.

Падая, Вадим ударил шефа кулаком в лицо, но промахнулся: удар получился скользящим. Он ещё несколько раз махнул руками, пока они оставались свободными, но от падения на спину у него остановилось дыхание. В глазах потемнело.

Когда он снова смог глотнуть немного воздуха, тело было обездвижено. Портной налегал сверху, держа за обе руки, Серега сидел поверх коленей.

Расин сумел вывернуть голову. Изогнувшись, он вцепился зубами в руку Портного.

В эту секунду чей-то голос заполнил голову обрывками фраз:

– Не бойся, Расин... Ты на четвертом уровне... Здесь у тебя свобода действий... И даже если свяжут... ты вырвешься... Можно всегда... Они тебя запрут... Только никогда не останавливайся... Засосет... Уходи через любой предмет...

Голос, видимо, принадлежал Галаху.

Как уходить? – хотел спросить Вадим, но не смог.

Ему запомнился бессмысленный взгляд Портного. И ещё кровь, текущая по губам.

Затем на голову опустилось что-то тяжелое, и сразу стало темно.

Глава 8

Первым, что он увидел, открыв глаза, был большой стеклянный экран. Он отделял часть помещения, где стояла кровать, от другой части, заполненной оборудованием.

Руки привязаны к металлическим подлокотникам и надежно закреплены в отведенном положении. Голова гудела – то ли от удара, то ли от седативных препаратов. Все плыло перед глазами. В копчик упиралось что-то твердое. Должно быть, подставлена металлическая утка. Расин шевельнулся и почувствовал: ноги связаны. Значит, его считают опасным.

Кровать была сложена так, что он в ней полулежал-полусидел. Унизительно и чертовски неудобно.

Он и прежде бывал в отделении Хвана, но никогда не видел ни функциональных кроватей, ни, тем более, такого серьезного оборудования.

Как назло зачесался лоб. Расин повернул лицо, но ни к плечу, ни к подушке нельзя дотянуться.

Он вспомнил последние события и заскрежетал зубами.

На какой-то миг им овладели отчаяние и чувство безнадежности. Пытаясь вырваться, Вадим затрепыхался на кровати, как большая рыба, пойманная в сеть. Через минуту он с ног до головы покрылся потом, но кровать даже не шелохнулась.

Тогда он сделал резкий выдох и, замерев, уставился в потолок.

Прямо над ним – зарешеченный плафон.

Расин лежал неподвижно, пытаясь сосредоточиться на словах Галаха.

«Ты вырвешься... Уходи через любой предмет...»

Черт, если бы он знал, что это может обозначать!

Собраться, стать единым с этим стеклянным плафоном, выйти из тела, нырнуть в плафон и оказаться где-нибудь в ином измерении...

Вадим до боли напряг глаза, ощутил, как кровь приливает к голове, но ничего не изменилось.

Да уж. Положение хуже губернаторского.

Он расслабил мышцы и в изнеможении провалился в наркотическую полудрему.

Итак, темные подсознания его одолели.

Они шли за ним все это время, возводили нескончаемую стену, шептались у него на кухне, вещали с экрана телевизора, выстраивали западню в тонком мире...

Чудовища с пустыми глазами объединились, чтобы следовать за ним на его трудном пути, мешать ему в постижении цели.

Вот оно – Коллективное Бессознательное, желающее поглощать и переваривать в себе все, что имеет способность к познанию.

И сейчас он здесь, у психиатра Петра Хвана, в одной из его палат. Его привязали к кровати и содержат как социально-опасного преступника. Как буйно-помешанного.

Но кому он здесь может навредить?

Так, надо все по порядку... Сегодня Фирман рассказал о разговоре между шефом и Галахом. Стало ясно: происходящее – не случайность. Тем не менее, вопросов и загадок не поубавилось.

Похоже, из всех живущих в этом и других мирах, у него есть единственный сторонник. Это – Григорий Максимович Галах, которого он прежде считал своим противником.

Да ещё Эд, но он исчез бесследно.

Зато неожиданно появился человек, желающий его убить. Они едва знакомы, но вполне ясно: этот гибельно-мрачный Гаерский – воплощение зла, ни дать, ни взять Франкенштейн.

То, что произошло в отделении, скорее походило на травлю, чем на преследование. Никто не вел с ним никаких переговоров. Ему не пытались ничего объяснить.

Шеф стремился изолировать Вадима, и он добился своего. Но почему он так поступил? Ведь Расин не собирался соперничать с заведующим в сфере услуг по ампутации выростов. Какие цели преследует шеф? Кто он такой? Как и когда попал в этот странный бизнес?

Уже дважды Вадим слышал о контрактах. Правда в том, что ему самому никто не предлагал заключить контракт. Он знает, что он не проводник и не адепт строгого пути, или как их там называют. А кто же он тогда?

Куда идет его трудный путь? Что там, в самом центре источника, откуда исходят лучи? Добирался ли туда хоть один человек?

И что будет с ним, если он не сможет сбежать из этой палаты?

Впору креститься, только руки связаны.

Схема мироустройства, которую он себе вообразил – многослойные миры, лучи, проекции – почему-то казалась правдоподобной. Разум отчаянно стремился к определенности, но все было зыбко...

Он вспомнил безжизненные глаза Портного и Серегу. Что случилось с этими людьми? Тут, в Подсознании, они всего лишь зомби, слепцы. Какой жуткий болезненный сон – погружаться вглубь мира и находить там не разгадку тайн человечества, а его звериное начало...

Расин опять уставился на плафон. Стал представлять, будто проваливается, падает в этот белый матовый круг. На миг даже ощутил головокружение от полета. Но вдруг понял, что тешит себя иллюзией.

Вадим закрыл глаза, а когда открыл их вновь, увидел, что из-за стекла за ним наблюдает Гаерский.

Чтобы сохранить рассудок, надо непрерывно менять точку зрения.

Необходимо включить память и вспомнить все, что может быть полезным.

Пару недель назад он ехал в метро от Берестейской до Дарницы. В руках была мятая брошюрка с описанием восточной методики бамбукового дыхания: он нашел её на сидении.

Суть метода в том, что короткие прерывистые выдохи улучшают концентрацию и способствуют выталкиванию созерцающего в глубины существования.

Вадим зажмурился.

«И даже если тебя свяжут... ты вырвешься...»

Галах должен был сказать больше. Этот проклятый сон стал затягиваться. Но ведь он даже ущипнуть себя не может...

Очень медленный, осознанный вдох.

Небольшая пауза – и:

– Фух! Фух! Фух! Фух!..

Получилось одиннадцать коротких выдохов.

Прочь из этого сумрачного закоулка мироздания...

Снова вдох...

Мешала боль: во время падения он ушиб правое плечо. Теперь оно начинало неметь, но нельзя было изменить положение. Вадим лишь слегка пошевелился.

– Фух! Фух! Фух!..

Еще один вдох. Ритмичные сокращения диафрагмы. Пусть перед внутренними глазами откроются врата. Он должен стать проводником собственного сознания.

Вдох.

Пауза.

– Фух! Фух!..

Он попытался вложить в дыхания всю злость. Голова начала куда-то проваливаться...

А затем к горлу подступила тошнота, и он ощутил на себе пристальный взгляд, жгущий, как пламя.

Расин открыл глаза. Теперь Гаерский стоял прямо перед ним.

На его покатых плечах мятый халат – когда-то белый, теперь серовато-грязный – смотрелся нелепо. Вид у Гаерского был ещё более несимпатичный, чем в первую встречу. Распухшую переносицу скрывали два куска пластыря. Рукава неряшливо засучены; оголены бугристые предплечья; длинные засаленные волосы на концах спутаны в сосульки; на лице застыла гримаса восторга.

– Здравствуйте, Вадим Борисович! Ну, теперь-то будем часто видеться! Я здесь работаю санитаром!

Расин не услышал в его голосе злости. Напротив, Гаерский наслаждался моментом. Обнажив редкие желтые зубы, он широко улыбался.

– Зовите меня Эдиком, – радостно проговорил санитар Гаерский. – Так же, как вашего друга. Это будет способствовать установлению нашего с вами взаимного доверия.

Проверив ремни, он откинул простынь, и, присмотревшись, сказал:

– Утка пуста. Прекрасно! А теперь, – он вновь накинуд простынь, – теперь мы с вами будем ужинать.

Он обернулся и взял со столика на колесах глубокую алюминиевую миску, наполненную едой, и достал из кармана ложку.

– Мне нужен телефон, – сказал Вадим. – Я хочу позвонить.

– Зовите меня Эдиком, – напомнил Гаерский.

– Мне нужен телефон, Эдик, – повторил Вадим.

Громила поставив миску на маленькую металлическую полочку, улыбнулся.

– Вначале вы должны покушать, – сказал он. – Остальное потом.

В этой многофункциональной кровати все было продумано до мелочей.

Гаерский протянул руки и, загремев металлом, водрузил Расину на голову тяжелый и жесткий колпак. Вадим почувствовал, как на подбородке затягивается кожаный ремешок. Голова зафиксировалась.

– Так надежнее, – сказал Гаерский. – Не слишком ли жмет?

В эту минуту Вадим думал только о том, что измерение, в котором он находится, только отчасти материально.

Можно ли с уверенностью утверждать, что все эти физические ощущения – настоящие?..

Санитар взял в руки миску с ложкой, зачерпнул киселеобразной жижи и поднес к лицу Расина. Резкий неприятный запах ударил в нос.

А потом начался кошмар.

Громила ухмыльнулся и изо всех сил воткнул ложку между сомкнутых губ. Взыв от боли, Расин на миг приоткрыл рот. Ложка проникла внутрь, стала проворно вворачиваться, раздвигая десны. Зловонная жижа потекла по щекам.

Язык отчаянно задвигался, пытаясь вытолкнуть ложку обратно, но не смог.

– Ну что ж вы не кушаете?..

Гаерский вновь зачерпнул из миски и повторил принудительное кормление. Ложка стала ребром, приоткрыв рот. Кожаный ремешок шлема больно врезался в подбородок. Гаерский поднес миску ко рту Вадима и, накренив ее, стал вливать содержимое в образовавшуюся щель.

Жидкость наполняла носоглотку, попадала в горло. Расин попытался крикнуть, но поперхнулся.

Санитар приблизил возбужденное лицо и на несколько мгновений замер, зачарованно любуясь зрелищем.

Отвратительный вкус проник в пищевод, затем в желудок, стал распространяться по всему телу.

Вадим зажмурился.

Концентрация... Бамбуковое дыхание... Серия коротких выдохов...

– Ых... кых... хых...

С каждым выдохом изо рта вылетает небольшой фонтанчик кроваво-болотных брызг.

– Напрасно вы так, Вадим Борисович. Ведете себя так, будто *вины своей* не осознаете.

Тяжелый удар в челюсть погрузил Расина в сумерки, но он тут же пришел в себя.

Гаерский продолжал кормить. Вадим начал захлебываться. Его тело побагровело от напряжения и асфиксии, мышцы вздыбились. Изнемогая, он стал издавать глухие прерывистые стоны.

С хрустом раскрошился зуб, сильно повредив десну. Кровь потекла в горло и, встретившись с судорожным дыханием, залокотала.

И вдруг связь с реальностью оборвалась.

– Ну, как поживает наш дорогой Вадим Борисович?

Расин расклеил слипшиеся от тяжелого наркотического сна веки, пошевелил языком. Все зубы были на месте.

Приснившийся вкус ещё тлел на языке и не хотел уходить. Постель была насквозь пропитана потом. Запястья ныли. Он по-прежнему распят на функциональной кровати. Все также давила утка. Но никаких следов, указывавших на присутствие Гаерского, не было.

– О! Вижу, вам уже лучше...

Петр Хван был до чрезвычайности похож на старшего брата, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте.

Он наклонился к Расину, внимательно всмотрелся в зрачки.

– Почему вы меня здесь держите? – прошипел Вадим.

Хван прищурился, провел пальцем по мокрому лбу Расина.

– Как вы знаете, я не являюсь последователем ни Бехтерева, ни Павлова, ни Фрейда, – сказал он, медленно выпрямляясь. – Мои методы кардинально отличаются от всех ныне существующих. И мое учение станет фундаментом будущей психиатрии. Знайте: никто, кроме меня, не сможет определить, что же, все-таки с вами произошло.

– Вы пытаетесь дешево завоевать авторитет. Только мне вы не нужны. Я абсолютно нормален. – Вадим изо всех сил дернулся и тут же чуть не взвыл от боли. – Немедленно снимите с меня эти проклятые ремни!

– Мне жаль, но это для вашей же безопасности. – Хван развел руками. – Сейчас вы все ещё находитесь в состоянии сверхреагирования.

Он пододвинул кресло на колесиках и сел, закинув ногу на ногу.

– Милейший Вадим, ваши психофизиологические характеристики поразили меня ещё три года назад, когда я проводил экспертизу. Как ни странно, уровень вашей интуиции превосходит любые экстрасенсорные способности человека. Если верить тестам, вы не только без труда можете читать мысли других людей, но и заглядывать в их прошлое, и даже в будущее. Хотя, вполне возможно, сами за собой вы этого ещё не замечали. Не было достаточно сильных

раздражителей для того, чтобы способности ваши могли в полной мере проявить себя и, тем более, развиваться дальше.

– Я ничем не отличаюсь от других людей, – зло сказал Вадим.

– Разумеется. За исключением вашего поведения. Так, например, вчера ваши коллеги были поражены тем, что вы вели с ними разговор, отвечая на их невысказанные мысли. Как так? Непроизнесенные слова. До этого вы, как мне стало известно, спустились с лестницы женщины, просто пришедшую на обследование. Затем устроили исступленный танец-катарсис. У вас была истерика, вы плакали и бились головой об стену, а иногда на вас находили приступы дикого смеха. Потом вы сбежали. Сегодня же вы пришли на работу в спокойном состоянии и благополучно произвели холецистэктомию за пять с половиной минут. Операционная сестра до сих пор в шоке: на такой скорости ваши руки стали почти невидимы. Зато потом вы перебили окна в хирургическом отделении, устроили драку. Не знаю, что с вами произошло. Возможно, случился какой-то качественный сдвиг. Либо же, все-таки, имелся экзогенный фактор, вызвавший эту странную реакцию.

Лицо Хвана вдруг расслоилось. ещё три головы жили каждая своей жизнью: одна немного опустила, что-то читая, вторая закивала, третья повернулась почти в профиль.

Три головы из четырех вели разноголосый монолог. Нередко отдельные слова совпадали, и в тот миг все лица как бы вспыхивали, становились ярче и четче.

Все Хваны находятся на разных уровнях, подумал Вадим, и я их вижу, но ни в коем случае не должен подавать виду.

И вдруг он вынырнул на поверхность. Это был его старый добрый мир (а может, не такой уж добрый), в котором он родился и вырос. Его нельзя было спутать ни с чем другим – так же, как, пробудившись, невозможно спутать явь со сном.

Он оторвал голову от подушки и увидел, что действительно связан. Но это всего лишь смиренная рубашка, да ещё пара кожаных ремней сверху. Под ним обычная пружинная кровать. Рядом стоит тумбочка. Нет никакого стеклянного экрана. На стуле сидит Хван. Он держит в руках цветные карточки Люшера. А за его спиной грузная пожилая санитарка, согнувшись, моет пол.

– Итак, – сказал Хван, поднимая две карточки, синюю и фиолетовую. – Какой цвет вы предпочтете?

Но все опять изменилось. Стеклянный экран вернулся на место. Санитарка исчезла. А под копчиком снова оказалась твердая металлическая утка.

– Итак, – проговорил Хван четвертого уровня. – Есть определенные системы, которые обеспечивают управление психикой на достаточно большой для осознания глубине. Вы не в состоянии их контролировать. Скорее напротив: они контролируют вас. Надо признать: ваши управляющие системы обладают незаурядным интеллектом. У большинства людей функции этих систем заключаются лишь в психической защите и адаптации. Люди либо приспосабливаются к стрессу, либо реагируют на него психозом, неврозом и тому подобное.

– Вы считаете, меня надо лечить от невроза?

– Кто сказал, что я вообще буду вас лечить? Просто Михаил Сергеевич попросил немного за вами поухаживать, пока не восстановится ваше нормальное душевное состояние. Вы не страдаете неврозом или психозом в привычном смысле этих слов... Сверхреакция! Вот, на мой взгляд, вполне подходящий термин. Если вы предложите другой, я с удовольствием рассмотрю. Так что давайте с завтрашнего дня приступим к работе. Природу этого явления нам с вами предстоит выяснить. Важно, чтобы мы и в дальнейшем могли поддерживать столь тесный контакт. И вообще, предлагаю вам сотрудничество.

– Сперва развяжите.

– Нет. Вы будете связаны и постоянно находиться под медикаментозным гипнозом. Вы ведь уже догадались, что сейчас мы с вами находимся не столько в палате, сколько внутри

вашего подсознания. Мой опыт, постоянная практика, помогают мне работать с пациентами здесь, в астрале. Или, как выражается мой брат, на четвертом уровне. Хотя, скажу сразу, его точку зрения на устройство человеческой психики я разделяю меньше всего, – он поморщился. – Это увлечение брата мистикой... Вероятно, вы в курсе? Он считает, что каким-то образом содействовал вашему изменению. Если у вас был стресс, и причиной его был мой брат или его приятель Галах, вы должны мне об этом сказать. Ну, не обязательно сейчас.

– Вот видите! – сказал Расин со злорадством. – Ни черта вы не знаете! Вы подозреваете собственного брата в то время, когда он просто обратился к вам за помощью. Оставьте меня в покое!

– Мой брат – крепкий орешек. Он умеет блокировать свой астрал, и черта с два согласится на проведение группового психотерапевтического сеанса, в котором будет участвовать вместе с вами. Но я все равно разберусь, в чем здесь причина. – Голос Хвана чуть заметно дрогнул.

Вадим посмотрел ему в глаза и изобразил презрительную улыбку.

– Отдыхайте, – проговорил Хван. – Постарайтесь расслабиться. Вам, наверное, уже говорил кто-нибудь, вроде Галаха, что вы без труда сможете отсюда сбежать. Скорей всего, вам посоветовали провести экстериоризацию, выход из тела, используя в качестве проводника любой из предметов. Не играйте в их темные игры. Это опасно. Все, кто вас окружал, настроены в отношении вас враждебно. Но я – постарайтесь понять – действительно на вашей стороне. И не думайте, что я садист. Мои методы вполне лояльны. Чтобы оценить масштабы ваших скрытых способностей, я не стану просить вас передвигать предметы на расстоянии, угадывать карты или прочитывать чьи-то мысли. Нет. Я попытаюсь заглянуть внутрь вас и посмотреть, как вы устроены. Нам с вами необходимо вывести наружу тот бессознательный материал, который, возможно, и составляет суть ваших способностей.

«И это нам даст возможность моделировать личности, подобные тебе», – отчетливо прозвучало в голове Вадима.

– Если согласитесь сотрудничать, обещаю: вам здесь станет значительно легче.

Проваливай к черту! – мысленно проговорил Расин. – Больше не пророню ни слова.

Хван поднялся.

– Ну вот. На сегодня все. Надеюсь, что мы все же станем союзниками. Если надумаете принять мои условия, дайте мне знать. Просто скажите кому-нибудь из медперсонала, чтобы позвал меня. Кстати... Познакомьтесь со своим санитаром, – он повернулся и кликнул: – Эдик!

Раздались шаги, и из-за стеклянного экрана вышел Гаерский.

Глава 9

...Наконец Криброку удалось остановить вращение.

– Все-таки перехитрили, – сказал кашатер, рассматривая внутреннюю поверхность капсулы. Сколько же времени он должен изображать джина? То здесь, то там поблескивали хаотически разбросанные излучатели, которые он пытался установить во время движения: он просто отпускал их, и они на полном ходу впаивались в стенку. После этого Криброк производил настройку. На такой скорости нельзя наладить контакт и, тем не менее, он предпринимал попытки. Теперь он понял: эти семь каналов никуда не годились.

Три канала связывали его с огромными мыслящими кристаллами, причем все они были из разных метаскоплений. Один из них находился на границе вселенной и территории сознания, он был простым привратником; у двоих других преобладала пространственная кровь, эти двое были изгоями своих туманностей и в партнеры совсем не годились.

Еще два канала соединяли его с белковыми формами, одна из которых (наиболее развитая) проходила внутриутробную стадию развития. Это было единственное существо, с которым удалось перекинуться несколькими фразами. Брат по разуму без труда уразумел просьбу кашатера, но вынужден был извиниться, поскольку сам находился в довольно беспомощном положении: до родов ему оставались ещё целые миллионы секунд.

Один налаженный контакт послужил причиной буйного помешательства дикого ложно-белкового великана. Вместо того чтобы откликнуться на помощь, дикарь на другом конце провода стал ожесточенно биться головой о скалу до тех пор, пока его биологический приемник не отказался принимать сигнал.

Последний контакт почти не отличался от предыдущего, за исключением того, что абонент был представителем одной расы с Криброком и не так усиленно норовил избавиться от связи. Лишь полностью остановив вращение, кашатер понял: это хомун, представитель его родной планеты. Однако о возможности налаживания взаимовыгодного контакта не могло быть и речи. Познавательные способности землян развиты настолько слабо, что подобная нагрузка может быть разрушительна для их разума.

Кашатер Криброк взвесил ситуацию.

Итак, существование Захватчика не выдумка. Вримы отреагировали на его появление первыми. Преславутий шанс поменять несправедливый порядок на справедливый и обрести равновесие двенадцати фаров, конечно, потерян. А был ли этот шанс? Кто знает, Харт мог и пошутить, либо стихии поняли его привратно. Балмар как-то спрашивал Харта о шансе обрести равновесие и в ответ получил очередную загадку. Харт сказал, что Мастер Справедливости прежде должен пройти путь становления. Когда же он станет богом, то сам сделает выбор: быть или не быть.

Ладно, теперь о деле.

Фокус с двойником не удался. Напротив, он сам оказался кроликом, которого бесцеремонно впихнули в шляпу.

Драмин Хи жив. В этом нет никакого сомнения. А подлая прихлебательница Лиуо сейчас занята считыванием его, Криброка, мыслей и, безусловно, того охвата будущего, на которое способны временные и пространственные усилители.

Что бы было, если бы он не мог этого предвидеть?

Вероятно, сейчас находился бы в другой лаборатории – той, о которой рассказывал Балмар, и благочестивые вримы-шадры скрупулезно занимались бы промывкой его мозгов.

Но он все предвидел. Точнее, поступил так, как предписывала инструкция. Теперь не ум, а ментальное зеркало-призрак отражало блуждающие мысли, а вживленный в него червь

создавал из них цепочки (а ну-ка, подружка Лиуо, потрудись над их расшифровкой!). В это же самое время истинный ум Криброка, удаленный из времени-пространства, усиленно разрабатывал план.

Криброк был голоден. Двигаясь по колодцу, он потерял много сил и сейчас съел бы, наверное, целого тузора. Но здесь не водились ни тузоры, ни обыкновенные персолипы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.